

Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению
Русской Православной Церкви

Региональная общественная организация
поддержки социальной деятельности Русской Православной Церкви
«Милосердие»

Диакон Олег Вышинский

Духовные, психологические и практические особенности помощи бездомным

Лепта Книга

Москва

2014

УДК 271.22(470+571)-468.45
ББК 86.372.24-69
В95

**Серия «Азбука милосердия»:
методические и справочные пособия**

Редакционная коллегия:

епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон,
председатель Синодального отдела по церковной благотворительности
и социальному служению

Ю.К. Данилова, главный редактор портала «Милосердие.ru»

И.В. Карпова, редактор серии

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
Код Издательского Совета ИС 14-321-2711**

**Издано на средства гранта
Национального благотворительного фонда**

В95 **Вышинский, Олег Леонидович, диакон.**
**Духовные, психологические и практические особенности
помощи бездомным.** — М: Лепта Книга, 2014. — 160 с. - (Серия
«Азбука милосердия»: метод. и справ. пособия)
ISBN 978-5-91173-392-6

Знак информационной продукции **16+**

Автор книги с 2001 года занимается помощью бездомным. В книге он анализирует свой опыт как социальный, медицинский работник и священнослужитель, приводит результаты собственных полевых исследований, позволяющие развенчать миф о нравственной несостоятельности бездомных, об однородности этого «субсоциума». Как богослов, разбирает кажущиеся противоречия в отношении к бездомным; объясняет, почему нужно разделять грех и асоциальность. Практическую ценность имеет глава книги, подробно, на примерах разбирающая, как можно взаимодействовать с бездомными, чем помочь и чего делать нельзя, чтобы не навредить ни себе, ни им.

Для социальных работников храмов, общественных и других организаций, занимающихся помощью бездомным.

**УДК 271.22(470+571)-468.45
ББК 86.372.24-69**

ISBN 978-5-91173-392-6

© Отдел по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ, 2014.

© Издательство «Лепта Книга», оформление, 2014.

Содержание

Предисловие. Встреча с бездомным избавляет от иллюзий	6
Вступление. От «кто виноват?» к «что делать?»	10
Глава 1. «Вирус бездомности», его природа и симптомы	22
Бездомные глазами священников и сотрудников благотворительных организаций	22
Социальная психология — о трансформации личности бездомного	30
Конкурс «бездомных» автобиографий.....	34
Анонимное анкетирование бездомных	59
Отношение к труду	60
Отношение к алкоголю	62
Экстернальный локус контроля.....	62
Делинквентность.....	64
Отношение к вере	65

**Глава 2. Богословский взгляд
на помощь бездомным** 72

*«Так как вы сделали (не сделали)
это одному из братьев Моих
меньших...» (Мф. 25).*

Правильно ли мы это понимаем? 72

Прозящие милостыню 79

Адресная помощь 82

Глава 3. Бездомный просит о помощи.

Что делать? 84

Семь стандартных уловок,
чтобы не заниматься бездомным.

Отказы и имитация помощи 84

План реальной помощи 90

Решение медицинских проблем 93

Основания для вызова «скорой помощи» 93

Взаимодействие с государственными
лечебными учреждениями 95

Проблема симуляции и аггравации 98

Инфекционная безопасность
при осмотре бездомных 99

Психиатрические проблемы 101

Проблемы алкогольной зависимости 103

Угроза самоубийства 105

Комплексный подход и разработка
контактов 106

Индивидуальное сопровождение 109

О денежных просьбах 111

Как исключить обман 111

Почему бездомные предпочитают
получать помощь деньгами 112

Почему все-таки не стоит оказывать
денежную помощь 113

Как строить контакт, если просят денег 114

Бескорыстная ложь 118

Ошибки в работе. Анализ реальной
ситуации 120

Глава 4. Вернуться в общество

**или покаяться? или
Немного о ресоциализации** 128

Мучительный вопрос 128

Бездомность — это грех? 131

«Декомпенсированные грешники» 136

«В себя же пришел, рече...» (Лк. 15, 17) 139

Что не работает 141

Классики — о тайнах ресоциализации 142

Пространное послесловие,

**или Еще раз о том, «кто виноват»
и «что делать»** 146

Дом как жизнь. Крушение дома 146

Христианство без Христа 150

Зеркало «благополучного» общества 153

Предисловие

Встреча с бездомным избавляет от иллюзий

В библиотечке серии «Азбука милосердия: методические и справочные пособия» уже выходили книги, посвященные оказанию помощи бездомным людям, но новая книга совсем по-другому раскрывает эту тему.

Диакон Олег Вышинский смотрит на проблему сразу с нескольких сторон: как богослов, как социальный и медицинский работник, и как священнослужитель. Благодаря этому мы можем по-новому увидеть не только самих бездомных, но и проблемы, которые мешают им включиться в жизнь общества, а нам оказать адекватную помощь. Ведь часто этому мешают наши собственные проблемы, наше неумение помогать.

Бездомные — это лакмусовая бумажка, которая проявляет наши человеческие качества, наше христианское мировоззрение, профессионализм всех, к кому они обращаются, чтобы решить свои проблемы: врачей, светских и цер-

ковных социальных работников и священников.

Многие социальные проблемы мы как-то научились решать или нам кажется, что мы этому научились, но таких «кажется» при общении и работе с бездомными огромное количество.

Нам кажется, мы видим, кто действительно нуждается в помощи, а кто просто врет и вымогает у нас деньги на водку.

Нам кажется, что мы знаем, почему тот или иной человек стал бездомным.

Нам кажется, что мы знаем, какие грехи мешают человеку исправиться.

Нам кажется, что мы знаем, как помочь человеку наладить жизнь.

Но практика показывает, что нам это все только кажется.

Мы считали, что мы добрые, милосердные, умные, отзывчивые, пока на нашем пути не появился он: плохо пахнущий, без денег, больной, грубый.

Встреча с бездомным — это всегда большой жизненный урок, вне зависимости от того, прошли мы мимо или решили помочь, это возможность действительно научиться сострадать и быть рядом.

Отец Олег в своей книге помогает нам на конкретных примерах разобраться, когда надо оказывать социальную и медицинскую помощь, а когда нужно идти за духовным советом, где

надо решать вопросы самому и где надо обратиться за помощью в специальное учреждение, как надо внимательно выслушать бездомного человека или как поглубже заглянуть в себя самого, чтобы помочь другому. Автор показывает, что социальная работа — это не конвейер, это не бездумные технологии, отточенные до автоматизма, а возможность и необходимость быть вместе в трудные минуты, вместе решать вопросы и вместе радоваться, если хотя бы один из тех, кто когда-то утратив полноту человеческой жизни и став бездомным, обретет надежду на возвращение в свой Дом.

Татьяна Валерьевна ЗАЛЬЦМАН,
кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой социальной работы
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета

Об авторе книги:

Олег Леонидович ВЫШИНСКИЙ, диакон — клирик храма свв. апп. Петра и Павла у Яузских ворот (Москва), руководитель Автобуса «Милосердие» с 2007 по 2013 гг., преподаватель кафедры социальной работы миссионерского факультета ПСТГУ. Кроме богословского (ПСТГУ), имеет среднее медицинское образование. С 1988 по 2001 гг. работал на станции скорой и неотложной помощи им. А.В. Пучкова (Москва), с 2005 по 2007 гг. — фельдшером в Автобусе «Милосердие».

Вступление

От «кто виноват?» к «что делать?»

В советское время ходил анекдот: у Л.И. Брежнева спросили, будут ли при коммунизме деньги? «По этому вопросу существуют разные суждения, — ответил генсек. — Например, китайские догматики говорят, что денег при коммунизме не будет, югославские же ревизионисты считают, что будут. Мы же к этому вопросу подходим диалектически: у кого-то они (деньги, то есть) будут, а у кого-то — нет».

Анекдот анекдотом, а мы действительно живем в обществе имущественного неравенства — и слава Богу. Потому что это неравенство, во-первых, отражает сущностное неравенство между людьми, а во-вторых, обуславливает их взаимозависимость. Будь каждый человек самодостаточным, никто бы ни в ком не нуждался. И заповедь о любви к ближнему была бы еще менее понятна, чем заповедь о любви к невидимому Богу.

В самом факте существования богатых и бедных нет никакой глобальной несправедливости. Священное Писание оперирует словами «богатый» и «убогий». Будучи антонимами, эти слова являются однокоренными и подразумевают особое отношение того или иного человека к Богу. Богатый — это человек, которого Бог щедро наделил некими благами и сделал ответственным за распоряжение богатством. Убогий же сам находится «у Бога», Который непосредственно печется о нищем, сироте и вдовице.

Однако всякое естественное положение дел может быть до неузнаваемости извращено и приобрести неестественно уродливые черты. Одной из таких черт современного общества является проблема бездомности или социальной исключенности. Разве можно считать сколько-нибудь нормальной ситуацию, когда в богатом цивилизованном городе, столице государства, зимой от холода погибают люди? Разве можно признать нормой случаи, когда человек, сломав руку, ходит с переломом по нескольку недель, не получая никакой помощи? Разве можно спокойно смотреть на людей, заживо гниющих, заживо снедаемых вшами, клещами, опарышами?

Вроде бы нельзя. Но на деле — сплошь и рядом сталкиваешься с равнодушием и даже жестокостью по отношению к бездомным. Однако если разобраться, причины становятся очевидными.

Каждый в своей жизни проходит испытание состраданием. Некоторым, в силу профессии, приходится сталкиваться с этим постоянно. Например, медицинские работники могут рассказать, как они (особенно в начале своего профессионального пути) тужились вместе с роженицами и задыхались за компанию с астматиками. А священники, отпевая покойника, вместе с ним умирали. Вообще же ситуации, вызывающие сострадание, так или иначе встречаются всем. И само сострадание, заставляющее чувствовать чужую боль как собственную, не зависит от профессии, образования, возраста, пола, культурного уровня или нравственных установок.

Однако интенсивность боли, порождаемой состраданием, может быть слишком велика. В таком случае у медиков, например, наступает некое бесчувственное, наплевательское отношение и даже цинизм по отношению к пациентам. Очевидно, таковы же профессиональные риски и у священнослужителей, и если бы не Таинство Исповеди и Божественная Благодать, «немощная врачующая и оскудевающая восполняющая», то — страшно подумать. Одним словом, сострадать порой не просто трудно, а невыносимо. Эта боль вызывает в душе невольный протест: «Нет, такого быть не может, не должно! Здесь что-то не так!» И человек прячется от тяжелых впечатлений, от разру-

шительной реальности за некие теоретические конструкции, которые сам себе создает.

Так же люди отгораживаются и от необходимости сострадать бездомным. Самые популярные рассуждения, за которые при этом прячутся, — это две противоположные точки зрения на бездомных, которые для краткости можно обозначить так: «Сами виноваты!» и «Долой несправедливое мироустройство!»

Позиция «Сами виноваты!» сопровождается желанием быстрее отвернуться от этих людей, убрать их с глаз, чтобы больше не видеть и не расстраиваться. С такой позицией сталкиваешься, когда жители дома, рядом с которым действует благотворительная столовая, жалуются: «Уберите от нас бомжей!» Эту позицию занимают должностные лица, когда убеждают организаторов той же благотворительной столовой свернуть свою деятельность: «Вы их концентрируете». Так же поступают врачи в больнице, выписывая недоленного бездомного на улицу, вопреки (и назло) просьбам социального работника повременить: «Дайте нам еще день, и мы его пристроим!» О той же позиции свидетельствует ситуация, когда настоятель храма запрещает вход в храм человеку в поношенной одежде. Или когда староста заявляет, что присутствие этих людей в храме «оскверняет святое место». Говорить об этом стыдно, но приходится.

Не тратя усилий на убеждение этих людей в их нравственной неправоте (с их стороны всегда наготове эмоции негодования), хотелось бы обратить внимание на бесплодность данной позиции: бездомные не исчезнут из города, если их не лечить, не одевать, не кормить. Пропитание они себе найдут в другом месте — криминальным способом¹ и с сопутствующими «нарушениями эпидемиологической обстановки». Недолеченный и неустроенный бездомный пациент через неделю вернется в ту же (или другую) больницу на бюджетную койку. Изгнанный из храма «захожанин»... впрочем, здесь не буду даже предполагать последствий.

Вторую позицию («Долой несправедливое мироустройство!») условно можно назвать правозащитной. Часто этой точки зрения придерживаются люди весьма компетентные, знающие специфику проблемы не понаслышке. Однако их голос подхватывают также и те общественные деятели, которые, несмотря на любовь ко всему человечеству, при виде живого бездомного зажимают нос и переходят на другую сторону улицы. При этом, рассуждая о тяжелом положении бездомных, главную беду они видят

¹ В Департаменте социальной защиты населения г. Москвы отмечают снижение криминальности в среде бездомных почти до средних цифр по населению именно в связи с появлением большого количества благотворительных пунктов питания.

в нетерпимости общества к **социально исключенным людям**. Научный термин «социальная эксклюзия» «правозащитники» противопоставляют укрепившемуся слову «бомж» и переводят из области науки в область своей идеологии. Приверженцы этой позиции делают акцент на несправедливости общества к бездомным, считая, что общество **навязывает** им этот статус и относится к ним так же, как к так называемым «стигматизированным» категориям людей — например, ВИЧ-инфицированным, больным туберкулезом, лицам, освободившимся из мест лишения свободы, и некоторым другим.

Это представление не вполне корректно. Суть стигматизации заключается в том, что о человеке судят по одной какой-то черте (дискредитирующий атрибут), которая не всегда объективно свидетельствует о его нравственном облике и социальном портрете. Такое отношение несправедливо, т.к. является предубеждением, ярлыком, клеймом. Однако у бездомного нет той единственной черты, которая незаслуженно бросала бы на него тень. Если у человека осмысленный взгляд, культурная речь и опрятный внешний вид, как мы определим, что перед нами бездомный? Документы не в порядке? Могут не принять на постоянную работу, задержать до выяснения личности в милиции, отказать в медпомощи, предусмотренной программой ОМС? Но это не уклады-

вается в картину стигматизации, просто — бюрократизм, распространяющийся абсолютно на всех и вся. Причем здесь сегрегация? Ведь слово «бомж», ставшее ругательством, мы обычно употребляем, сталкиваясь не с пробелом в графе паспорта «прописка», а с определенным внешним обликом, поведением, манерами человека. Виноваты ли бездомные в этом? Может быть, и нет. Но украшает ли их это? Точно не украшает. И призывами к терпимости здесь, конечно, не обойтись. Носителей данной позиции можно уподобить врачам, которые вместо того, чтобы лечить, скажем, туберкулез или чесотку, стали бы защищать права больного чесаться или кашлять.

Точка зрения правозащитников, как и предыдущая (хоть и с другим знаком), также представляет собой подмену понимания сути явления поиском виноватых. Только в первом случае речь шла о вине самих бездомных, а здесь вина проецируется на государство и «казенные» институты.

Поиск виноватых — способ ухода от личной ответственности, от необходимости самому включаться в ситуацию, предполагающую сострадание. Сострадание, как уже говорилось, — чувство естественное и свойственное людям. Но конечно, различные механизмы защиты от «страдания сострадания» наша немощная психика выработала не напрасно. Если бы мы не за-

щищались от этой боли, то, вероятно, сошли бы с ума. И, возможно, у многих из нас опустились бы руки, как в стихотворении Агнии Барто:

Руки Танины ослабли:
— Ой, у Вовочки — порез!
И, увидев крови капли,
Разревелся Красный Крест...

Как же нам избежать крайностей: позиции «страуса», не желающего видеть страшную реальность без прикрас, или героини Барто, пасующей при виде боли и крови?

Для этого необходимо такое качество, как милосердие. Оно связано с состраданием, но и отличается от него. Милосердие — это свойство, позволяющее жить, не заглушая в себе сострадания, — с одной стороны, и не позволяющее состраданию тебя деморализовать и помогающее активно действовать во благо страдающего субъекта — с другой стороны. Можно сказать, что сострадание — это свойство человека как образа Божия, данное Господом при акте творения, а милосердие — это свойство подобия Божия, и приобрести его — одна из сверхзадач, поставленных перед человеком. Кроме того, сострадание — свойство восприятия, а значит, оно предполагает некую пассивность по отношению к страдающему. Милосердие же — образ действия. Притча о милосердном самарянине (Лк. 10, 33) указывает именно на

конкретные действия и переводит разговор от теоретических рассуждений «кто есть ближний мой?», т.е. «кого мне надо любить?», к практическим указаниям — **как** надо поступать по любви к ближнему. И кроме нравственного содержания, эта притча показывает образ организованного последовательного служения: использование определенных медицинских манипуляций и веществ (масло и вино), транспорта (посадил на своего осла), привлечение других лиц к уходу за раненым (гостинник), финансовое обеспечение ухода (два динария — гостиннику плюс обещание возместить непредвиденные расходы). Эти подробности нельзя упускать из вида, хотя они, казалось бы, и вторичны по отношению к основной мысли притчи — о том, что ее главный персонаж просто не прошел мимо. Но в Евангелии нет ничего второстепенного.

На встрече с одним из известнейших московских батюшек на его вопрос: «Стали ли вы милосерднее к бездомным?», один из моих товарищей по работе в Автобусе «Милосердие» ляпнул (именно ляпнул, другого слова и не подобрать): «Мы стали профессиональнее». Батюшку такой ответ привел в негодование, он до сих пор мне за это пеняет. Я знаю, почему: понятие «профессионализм» часто ассоциируется с некоей профессиональной самостоятельностью и бездушием: я, дескать, свою задачу

выполнил, а дальше — хоть трава не расти. Но эта позиция — не признак профессионализма, а скорее, наоборот, выдает плохого профессионала. И хотя мой товарищ сморозил глупость, ибо мы, вопреки его заявлению, не стали профессиональнее (как не стали и милосерднее), эту книгу я задумал как апологию профессионализма в делании добрых дел. Ибо профессионализм в лучшем смысле слова — это умение в рабочем порядке решать сложные задачи, отличать подлинные проблемы от мнимых, правильно действовать в том или ином случае. И все это может стать ступенькой от пассивной позиции сострадания (с ее искушениями поиска виноватых) к деятельной позиции милосердия. Применительно к теме это значит, что я постараюсь показать на примерах, как можно взаимодействовать с бездомными; чего нельзя делать, чтобы не навредить ни себе, ни им; до какой черты можно распространять свою помощь и как выбрать меру этой помощи и т.д.

В первой главе я критически разбираю миф о нравственной неменяемости людей, оказавшихся на дне общества: в реальности оказывается, что нравственные проблемы для этих людей имеют не меньшее значение, чем проблемы выживания. Глава написана на основе дипломной работы, подготовленной в ПСТГУ.

Во второй главе я попытался распутать противоречие, которое становится настоящим

камнем преткновения для новонаначального христианина: с одной стороны, нельзя быть лицеприятным, оказывая помощь (т.е. не разбирать, кто ее достоин, а кто нет), а с другой — необходимо вдумчиво и рассудительно подходить к каждому человеку в зависимости от его индивидуальных особенностей. Поскольку очевидно, что первое требование обусловлено евангельскими заповедями, разговор я начинаю с богословских позиций, переходя от них к практическим вопросам и конкретным ситуациям.

Третья глава посвящена вопросам сугубо практическим и ориентирует читателя на возможные проблемы бездомных, которые придут за помощью в храм: как эти проблемы структурировать, сортировать по степени важности, с чего начать их разрешение. Эта часть может быть полезна для начинающих социальных работников на приходах.

Четвертая глава, вероятно, будет интереснее пастырям. В ней, говоря о бездомных, я стараюсь разделить такие категории, как грех и асоциальность, и показать, что последняя может быть симптомом первого, но ставить знак равенства между этими категориями было бы неверным. В этой же главе — о том, с какими проблемами и трудностями сопряжен для бездомного обратный путь к обществу.

Однако, книга эта не только о бездомных и не только для социальных работников. Надеюсь, что она будет интересной и для более широкого круга читателей. Ее замысел — через призму конкретной проблемы взглянуть на себя, на свое мировоззрение, на взаимоотношения человека и общества. А также (и этому посвящено послесловие) попытаться взглянуть на конкретную социальную проблему как на послание Божие нам.

Глава 1

«Вирус бездомности», его природа и симптомы

Бездомные глазами священников и сотрудников благотворительных организаций

Как мы уже выяснили, в обществе, к сожалению, достаточно сильны попытки заглушить естественное сострадание к людям, оказавшимся в критической жизненной ситуации, при этом обычно обвиняют или самих этих людей в лени, иждивенчестве, различных пороках, или государство — в преступном бездействии или сегрегации. Чаще всего, и в том, и в другом случае говорящие смутно себе представляют тех людей, о которых выносят суждение.

Конечно, все жители крупных городов так или иначе сталкивались с бездомным и составили о них мнение по первому впечатлению. Каково оно? Насколько правильно оно от-

ражает их отношение к людям, к жизни, к себе, их ценности (если они есть)?

Попробуем разобраться. Начнем с их обобщенного портрета, который очень узнаваем и совпадает практически во всех деталях в устах всех, кто имеет с ними дело. Вот мнения о бездомных некоторых священников.

Иерей Александр ПТИЦЫН, настоятель храма Воздвиженья Креста Господня на Чистом Вражке (Москва), рассказывает, что сидящие на паперти бездомные, все время пьяные, устраивали налеты на приходскую копилку для пожертвований. *«Поначалу пытались их как-то реабилитировать, направляли в Комиссию по церковной социальной деятельности... Но как оказалось, бродяги такими вещами не интересуются — им этого ничего не нужно».*

Иерей Антоний СЕРОВ, настоятель храма Девяти мучеников Кизических (Москва), сообщил, что предлагает просящим о помощи поработать метлой, и это — критерий отбора: кому помогать, а кому — нет. *«Те, что на самом деле просят на водку, через пять минут убегают, бросают метлу и больше не появляются. А нормальные — остаются. Тому, кто действительно нуждается в помощи, мы, конечно, помогаем».*²

² Бомжей никто не любит // Милосердие.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.miloserdie.ru/articles/bomzhej-nikto-ne-lyubit>.

Протоиерей Георгий БЕЛОДУРОВ, клирик Воскресенского кафедрального собора (Тверь), тоже рассказывает о том, как «при слове «работа» в глазах у еще совсем не старых парней (их возраст не превышает сорока лет) возникает выражение вселенской тоски, и работу они делают так скверно, чтобы в следующий раз их уже об этом не просили». И тоже делает вывод о том, что эти люди — «тунеядцы, выпавшие из социума и не желающие в него возвращаться».³

Похожими впечатлениями делятся и люди, оказывающие помощь бездомным по велению сердца.

Константин МУРАШОВ, сотрудник группы милосердия храма Космы и Дамиана в Шубине (Москва): «Эти люди нередко ведут себя нелогично, странно для обычного восприятия, иногда вызываясь. Разбредаясь в поисках прожиточного минимума, они уславливаются о встрече, но бывает, не могут вспомнить оговоренные место и время, так что действительно теряют друг друга иногда на несколько лет или навсегда. Стоит учитывать, что, если бродяга превращает подъезд в туалет, это не то же, когда сосед соседу вымазывает чем-нибудь ручку сарая. В пачканье подъезда нет умысла.

³ Наши нищие // Церковный вестник. — 2007. — № 18 (367).

Он честно не хотел кому-то сделать плохо. Но жизнь такого человека бывает низведена до удовлетворения минимума физиологических потребностей. Где и в какой момент такая потребность им осознается, там и тогда он ее и старается реализовать. Уборка же или соблюдение чистоты насущной потребностью не является. С утра он клянется и уверен, что никогда больше не будет пить, потому что болит голова, печень, скверное самочувствие. К вечеру напивается, потому что пригласили собутыльники, сам насобирал, а главное — осознал потребность. Бывает, такой человек рвется домой. Взывает: «Спасите! Помогите вырваться из такой жизни!» Однако, если действительно принять участие в его судьбе, — не давать ему денег, а сопроводить на вокзал, купить билет и посадить на поезд, — высока вероятность вскоре повстречать его вновь. Он не обманул, побывал дома, но бежал от непринятия и осуждения земляков. Теперь, окупившись в привычную стихию, будет так же отчаянно тосковать по дому».⁴

Татьяна КОЧУРА, сотрудница Группы помощи бездомным в московских больницах: «Самая большая проблема многих подопечных — это

⁴ Не БОМЖ, а бродяга // Милосердие.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.miloserdie.ru/articles/ne-bomzh-a-brodyaga>.

нежелание помочь самим себе. Вероятно, в сознании бездомных людей происходят необратимые изменения, ведущие к утрате чувства самосохранения. Иначе как можно объяснить бессмысленные поступки, которые совершает такой человек себе во вред?

Один мой подопечный (больной) находился в католическом приюте Матери Терезы, куда был доставлен Автобусом “Милосердие”. В больницу его не принимали, а сюда приняли. Андрей сломал обе лодыжки, они неправильно срослись, и он теперь с трудом передвигается, опираясь на трость.

Он, так сказать, русский узбек, решил попытаться счастья в России. Я прошу Андрея написать заявление в Узбекское посольство на получение временного удостоверения личности для возвращения на родину. Объясняю ему, что для получения документа потребуется не меньше месяца, поэтому придется подождать. Он согласно кивает, благодарит... Покидая приют, еще раз прошу Андрея сохранять терпение и дождаться результата. Он улыбается и уверяет, что никуда не денется.

На обратном пути я немного заблудилась, спросила дорогу к метро. Мой попутчик поинтересовался, откуда я иду, не из приюта ли? А потом рассказал, что дом, в котором он живет, как раз напротив приюта, и часто можно наблюдать из окна, как насельники “стреля-

ют” деньги на пиво или другое горячительное и распивают тут же, никого не стесняясь: “Им заняться нечем. Вот и развлекаются...”

Через месяц в посольстве Узбекистана я получила для Андрея разрешение на въезд в Бухару, но самого Андрея в приюте уже не оказалось. “Напился и ушел”, — объяснили сестры».⁵

Итак, все авторы данных заметок отмечают следующие особенности поведения бездомных: злоупотребление алкоголем, отсутствие мотивации к труду, гигиенических и социальных навыков, дезориентация во времени, необязательность. Все эти черты авторы объясняют и комментируют по-разному, но в фактологии все, как правило, сходятся. Мой опыт работы в Автобусе «Милосердие» тоже дает массу аналогичных фактов. Привожу лишь один эпизод из моих заметок:

«Владимир, 58 лет. Остался бездомным в результате конфликта с женщиной, с которой жил вместе 12 лет без регистрации брака. Ранее был дважды женат, венчан не был ни разу. Конфликт с последней спутницей жизни связывает с ее изменой. Выписать ее с жилплощади, находившейся в муниципальной соб-

⁵ Помощь бездомным: участковый сюда не ходит // Милосердие.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.miloserdie.ru/articles/pomoshh-bezdomnym-uchastkovyj-syuda-ne-hodit>.

ственности, Владимир не смог, так как по суду (учитывая факт длительного совместного проживания и наличие двух несовершеннолетних детей) ее признали вправе проживать на данной жилплощади. Примечательно, что Владимир в течение всех 12 лет совместной жизни отказывался регистрировать брак, на чем настаивала его подруга. Возможно, что этим и было подорвано взаимное доверие, и союз распался. Я не стал обличать Владимира в неправоте и подсказал ему возможность трудоустройства с проживанием, направив к нашему соцработнику. Через два дня его встречаю на том же месте.

— Ну что, был у Романа (соцработника)?

— Какого Романа?

— Ты что не помнишь, о чем мы с тобой давеча говорили?

— Нет, не помню.

— Я вот помню, что ты Владимир С., и мне это особенно помнить не нужно, а ты не помнишь, о чем мы с тобой в прошлый раз битый час толковали, и это касалось твоих интересов?!

— Ну, разные люди — разная память (с достоинством). Так будешь мне помогать или нет?

— В чем?

— Понятно! Я лучше сдохну, но просить у вас ничего не буду, ничего мне от вас не надо...»

С проблемой иррационального — т.е. вопреки собственным интересам — поведения бездомных мы столкнулись, в частности, во время работы проекта «Доступная работа для бездомных». Работа бездомных заключалась в следующем: по договоренности с администрацией лесопарков, бригада бездомных очищала лесопарковые зоны отдыха от крупного мусора — банок, бутылок, пакетов и проч. Доставлялись бездомные в лесопарковые зоны на автобусе, а после работы их привозили обратно — к территории Курского вокзала.

Эксперимент имел некоторые положительные результаты. Например, физический труд на свежем воздухе и трехразовое питание положительно влияли на здоровье подопечных. И все же, несмотря на то, что бездомные были насущно заинтересованы в предлагавшемся вознаграждении, массовой реабилитации не произошло. Двух человек, которые имели приличную квалификацию до того, как попасть на улицу, удалось трудоустроить. Достаточно большое количество человек было отправлено к постоянному месту жительства. В целом бездомные были довольны работой, но так и оставались на этой ступени. Сотрудники, работавшие в проекте, пришли к выводу, что такая незаинтересованность в результате усилий, не характерная для взрослых дееспособных личностей, свойственна людям, живущим на улице

продолжительное время: со слов одного из наших сотрудников, бездомный ведет себя, «как животное. Не как человек, устремленный к какому-то горизонту, а как животное, глупое, на четырех ногах, и все его устремления — в землю. Их надо поднимать долго и упорно... им невозможно поручить мало-мальски сложную работу. Они могут выполнять только очень простые операции — взять мешок, перенести его...» — и т.д.

Социальная психология — о трансформации личности бездомного

Мы не открываем ничего нового, рассказывая о подобном поведении бездомных. Это явление давно известно в социальной психологии. В европейской и американской социологии проблема бездомности наиболее интенсивно изучалась в конце 60-х — начале 70-х годов XX века. Во Франции в этот период сложилась социально-психологическая школа (А. Векслиар, Л. Мукьелли и др.), делающая акцент на социально-психологических особенностях трансформации личности потенциального бездомного. Л. Мукьелли один из разработчиков теории социальной эксклюзии, установил, что эта социопсихологическая трансформация личности бездомного «препятствует ресоциализации и возможности усвоения им более

социальных практик поведения».⁶ А другой разработчик этой же теории — А. Векслиар — описал четыре стадии десоциализации как некий необратимый процесс:

«1) агрессивная фаза. Это период активности, попыток реадaptации, стремления справиться с какой-либо чрезвычайной, катастрофической ситуацией. Среди таких катастрофических ситуаций могут быть потеря близкого человека, травма или приобретение инвалидности, потеря работы или социального статуса, развод и др. Человек сопротивляется этим обстоятельствам и старается сохранить свой социальный мир собственными силами. Он не принимает свою новую ситуацию и себя в ней, не хочет с ней мириться.

2) Регрессивная фаза. Постепенно приходит на смену предыдущей, поскольку человек осознал в полном объеме свою новую жизненную ситуацию, которая постепенно начинает становиться привычной. Он постепенно принимает свой статус безработного, инвалида или разведенного. В то же время, окружающий мир начинает казаться ему менее привлекательным, более враждебным и чужим. Постепенно надежда обрести свой прошлый

⁶ См. подробнее: Mucchielli L. Clochards et sans-abri: actualité de l'oeuvre d'Alexandre Vexliard / Laurent Mucchielli // Revue française de sociologie. — 1998. — XXXIX-1. — P. 105–138.

мир умирает, человек становится более недоверчивым, теряет энтузиазм. Потом негативные последствия катастрофической ситуации накапливаются, человек постепенно растрачивает оставшиеся у него ресурсы, Несчастный случай становится фатальным. Такая ситуация невыносима, и индивид вынужден каким-то образом на нее реагировать.

3) Следующая фаза характеризуется попытками разрешить конфликт и порвать с прошлым. Обычно на этой стадии бездомный начинает думать, что поскольку ситуация его так изменилась и он уже не может выполнять правила поведения в обществе, то он может получить какое-то вспомоществование, ничего не давая взамен. Обычно именно на этой стадии бездомные начинают злоупотреблять спиртным, они сокращают свои потребности, контактируют преимущественно только с другими бездомными, усваивают их язык. Но фактически ситуация еще не является принятой, и индивид пока не проводит разделения на два мира. Это наиболее болезненный момент личностного конфликта. Если развитие ситуации фиксируется на этой стадии, то это зачастую приводит к суициду.

4) Последней является фаза покорности (смирения). Конфликт ликвидирован, принят, осознан и даже начинает видаться в выгодном свете. На этой стадии бездомные часто афи-

ширует свое положение, появляется дискурс свободы, гордости, презрения к труду. Человек становится непостоянным, кочует с места на место. Здесь можно наблюдать аутистские механизмы, минимизирующие связи с нормальным миром, отрицание традиционных ценностей. К сожалению, главным препятствием для интеграции бездомных в общество являются они сами. Самоодобрение становится жизненно важным условием этого равновесия, условием выживания. Важной характеристикой этой стадии является деградация потребностей бездомных. Они сводятся практически только к еде».⁷

Итак, авторы теории социальной эксклюзии установили наличие социопсихологической трансформации личности бездомного и подробно описали ее стадии. Но затрагивает ли эта трансформация саму сущность человека, его сердцевину? Психиатрия не знает диагноза, объясняющего происходящие изменения. Есть термин дромомания — склонность к бродяжничеству, но этот термин обозначает только симптом, а по одному симптому диагноза не ставят. Не является ли эта трансформация социальным

⁷ См. подробнее: Mucchielli L. Clochards et sans-abri: actualité de l'oeuvre d'Alexandre Vexliard / Laurent Mucchielli // Revue française de sociologie. — 1998. — XXXIX-1. — P. 114–115.

наслоением, проекцией на психику, т.е. феноменом скорее социальным, поверхностным?

Исследование обстоятельств жизни бездомных не приближает нас к пониманию их личностей как носителей нравственных установок, не дает возможности увидеть их подлинное лицо под слоем уличной грязи и маской асоциальности. Психологию бездомного человека неверно выводить из его социального (точнее — асоциального) поведения. Ибо если социология обычно исследует поведение людей в обществе под влиянием тех или иных факторов, то с бездомными это сложнее. Ибо у них разрушено большинство связей с обществом, а следовательно, возрастает количество степеней свободы и неопределенность поведения. Поэтому единственным ключом к пониманию глубинных мотивов подопечных в чистом виде можно считать только духовно-нравственный облик человека. Его-то и необходимо исследовать. Если в этом направлении и делались какие-то шаги, то пока они нигде не были зафиксированы.

Конкурс «бездомных» автобиографий

Видя бездомных изо дня в день, я до определенного момента отказывал основной массе бездомных в нравственной вменяемости — именно потому, что «я-то их знаю! я-то с ними

постоянно работаю!» И мне долго не приходило в голову, что опытность — мать иллюзий.

Развенчание этой иллюзии, точнее, предубеждения началось с прочтения книги, выпущенной фондом «Ночлежка». Книга называется «Расскажи свою историю». Чтобы объяснить, почему я изменил свое достаточно устоявшееся убеждение, мне придется подробнее остановиться на этой книге.

Появилась она в рамках проекта «Методика направленного информационного воздействия неправительственных организаций как способ изменения отношения населения к социально исключенным людям». Результаты кампании оказались гораздо серьезнее, чем мыслились: появился на свет документ, ценность которого еще до конца не осознана. Он содержит не только бесценные сведения о жизни бездомных, но и описывает целую эпоху в жизни нашего государства. Кроме того, некоторые рассказы являются настоящими художественными произведениями. Например, цикл стихов неизвестного автора «*Omnia mea mecum porto*»⁸ можно поставить рядом со стихами выдающихся поэтов современности. Неизвестно, правда, был ли автор этих стихов бездомным, т.к. часть историй написана не фактическими бездом-

⁸ *Omnia mea mecum porto* — лат. «все свое ношу с собой». См. Расскажи свою историю. — СПб.: «На дне», 1999. — С. 105.

ными, а людьми, по тем или иным причинам причисляющими себя к этой категории. И все же, наиболее интересными оказались истории, написанные людьми, которые de facto не имели (или не имеют), где главу преклонить.

Ставки конкурса были достаточно высоки: в число призов входила, например, оплата аренды жилья на год, оплата обучения. За такие бонусы имело смысл побороться. Полагаю, что данные истории в основе своей — не выдумка, т.к. премии выдавали не за «самую жалостливую историю». А при условии анонимности историй авторы могли не опасаться неприятностей вследствие своей откровенности.

В авторах историй без труда узнаются наши «бомжи» — асоциальные, озлобленные на окружающий мир, пьющие, не желающие работать. Но открывается и другая сторона их жизни, которую мы раньше не видели и не могли видеть: их внутренний мир. Мы можем допустить, что с фактологией данных историй авторы привирают «для красного словца». Но это по существу ничего не меняет, ведь человек с бедным внутренним миром даже соврать красиво не сможет.

Привожу здесь краткое изложение нескольких историй, в которых так или иначе раскрыт внутренний мир бездомных и есть свидетельства продолжающейся духовной жизни, попытки соблюдать нравственные законы. После чего я хотел бы познакомить вас с небольшим

исследованием всех историй сборника, которое я провел, пытаясь «измерить» нравственную вменяемость людей, живущих на улице.

1. «Кто проводник наш?»⁹

Пишет Алим М., практикующий мусульманин из Киргизии. Ему 33 года (на момент написания истории), женат, есть дети (сколько — не пишет, упоминает: «дети» и «сын»), по которым он скучает, находясь в разлуке. Прожил несколько лет бездомным на положении нелегального мигранта в ОАЭ. Привело его туда желание проверить некую финансовую авантюру, на которой он прогорел.

Этот рассказ — своеобразная исповедь и, в то же время — проповедь. Будучи мусульманином этнически, автор обнаруживает некое начальное религиозное воспитание: апеллирует к вере при общении с партнерами по бизнесу, сетует, что в ОАЭ, «стране, где так много мечетей, взаимоотношения строятся на обмане и лицемерии». Родители — представители творческой интеллигенции. Автор, чтобы сбежать от родительской опеки, по окончании восьми классов поступает в сельскохозяйственный техникум. После армии втягивается в «бизнес». Описывая этот период жизни страны, автор анализирует его с нравственной стороны и конста-

⁹ См. Расскази свою историю. — С. 24.

тирует несомненный упадок нравственности по сравнению с жизнью в советское время: «Наше поколение было воспитано на других убеждениях, принципах, морали, где за слова нужно было нести ответственность, где вдвоем или втроем «наехать» на человека считалось делом, недостойным мужчины, где купить женщину на ночь было постыдно. А тут вдруг все это стало входить в моду, и те, кто это делал, считались «крутыми». И ты должен делать, как они, и быть принятым — или уходить». Автор не был «белой вороной», но чувствовал внутреннюю пустоту, духовное истощение. При всем этом некоторый этический минимум он старался блюсти: «Для меня деньги всегда стояли после человека, а тем более друга... Если происходили какие-то «разборки», то я хотел, чтобы это было справедливо, а не с позиции силы... Обмануть государство считалось круто: перевести фальшивое авизо или «кинуть» межбанковский кредит, отмыть или обналичить «черный нал», завезти или вывезти какую-нибудь контрабанду. Но не грабить и не красть у человека лично. Никаких наркотиков или сутенерства...». Но рассказчик не ограничивался этим нравственным минимумом. Свидетельство тому — его рассуждение о совете товарищей в трудную минуту обратиться к Богу, пойти в мечеть, изучать Коран и т.п.: «Я отказывался учиться, ибо не понимал, как можно молиться Богу — и в то же время

нарушать Его заповеди». Т.е. автор со всей очевидностью ощущает собственную греховность, небогоугодность своего образа жизни. Ему мучительно стыдно обращаться к Богу вынужденно, под давлением стесняющих обстоятельств, тем не менее этот стыд он преодолевает: «Это чувство быстро прошло, ибо склонить голову перед Всевышним — великая честь для человека, не желающего унижаться перед подобными себе или еще ниже его».

Обращение к Богу для рассказчика произошло всерьез. Оно вызывает непонимание со стороны жены, обвинения в фанатизме и нерассудительности. Религиозная позиция его далека от позиции «do ut des» — «даю, чтобы и Ты мне дал». В качестве примера для него выступает пророк Айюб (Иов), т.е. основными принципами автор провозглашает верность Богу и предельную искренность с Ним. Рассказчик в своей искренности даже пеняет Богу сгоряча, «психует»: «Вот я молюсь и говорю: “О, Аллах, блин, пока я не замерзну, Вы мне ничего не дадите, а раз так, то ничего мне не надо”» или: «Когда везли в “воронке” в аэропорт, я высказывал все Всевышнему: что Он — предатель, что Ему лишь бы поиздеваться надо мной, что Он тиран и т.д.». Но это — не богохульство, а просто семейные выяснения отношений: тут же в ответ на вопрос знакомых — «что тебе дал твой Бог?» автор отвечает: «Бог мне дал столько, сколько вам не унести».

Во время пребывания в Эмиратах рассказчик выступает в качестве наставника своих соотечественников, находящихся в критической ситуации, и молитвенника за них. Его жизнь полна мистических откровений и чудес. Например: «Если меня мучил какой-то вопрос и я не мог найти ответ ввиду недостаточности знаний, то в городе ко мне подходили люди, знакомились и говорили о том, о чем мне больше всего хотелось знать. После этого мне хотелось сказать: «Молодой человек, как плотно контролирует Всевышний каждый наш шаг, как обогащает Он нас знаниями! Вот ты думаешь, что ты рассказываешь, а на самом деле — то, что ты говоришь, я спрашивал у Бога».

Оказавшись на родине, в Киргизии, автор попадает в тяжелое положение, о котором рассказывает очень скудно, упоминает лишь, что иной раз от бессилия напивался (вопреки запрету) и что встретил некую женщину, у которой нашел понимание и поддержку.

Завершающая часть рассказа представляет собой проповедь, достаточно интересную и насыщенную аллегориями, живыми и оригинальными: «Суть одна: эта жизнь — инкубационный период разума, точно так же, как мы выращиваем пшеницу, чтобы получить хлеб. Эта жизнь дана человеку, чтобы он собирал ту золотую стружку знаний, которую Всевышний приказал своим ангелам рассыпать по земле, тем самым

приблизить человека к Себе и сделать его ассистентом Своих творений» (т.е. сделать человека соратником Бога). Об отношении к ближним автор проповедует искать в людях только хорошее, не осуждать. Интересный подход к врагам: «айкидо жизни» — т.е. поражение врага его собственной энергией (его собственным злом), что все-таки не дотягивает до «любите врагов ваших».

2. «История моей жизни»¹⁰

Пишет женщина по имени Наталья, 1953 года рождения. Дважды была замужем, с последним мужем, по-видимому, разведена — пишет о нем: «теперь уж бывший». Предыдущий умер, будучи значительно старше ее. Наталья имела внебрачного сына, который трагически погиб (утонул). Стаж бездомности — два года. Злоупотребляет алкоголем из-за того, что потеряла всех близких. В сложившейся ситуации явно никого не винит, только сетует на равнодушие людей. Но с другой стороны, выражает благодарность тем, кто не дает совсем пропасть: «Бог миловал: в подвале я ночевала только раз. Бывало, уж никакого выхода нет — ан да посылает мне доброго человека».

Рассказывает свою историю с детства, причем довольно много, тепло и с гордостью пишет

¹⁰ См. Расскази свою историю. — С.43.

о своих родных. Бабушка — смолянка последнего выпуска, дед — белогвардеец. Приспособившись к новой власти, остались «кристально чистыми, честными людьми». Бабушка — директор детдома — несмотря на угрозу голодной смерти, не взяла ни корки хлеба, предназначенной детям. Детство автор вспоминает как наиболее светлую пору своей жизни. Описывает свое обращение к вере в 13 лет под влиянием «Братьев Карамазовых» Достоевского, начало церковной жизни, выход из комсомола. Описывает встречу с прозорливым старцем Таврионом (Батозским) в Латвии, в Спасо-Преображенской пустыни. Архимандрит Таврион предсказал ей все грядущие беды, что и исполнилось. Жилье у рассказчицы купили за уплату долга — астрономической суммы, которую наговорили по телефону недобросовестные квартиранты.

Автор — искренне верующая женщина, твердая в своих убеждениях. Ее вера претерпела испытания: сначала в школе, где рассказчице, бывшей секретарем комсомольской организации, пришлось порвать с комсомолом (такие события легко не проходили, они требовали мужества исповедников). Позже наша героиня не нашла понимания и в родной семье: отец ее «всеми силами воспротивился» ее уходу в монастырь. Когда же она, будучи неприспособленной к жизни в миру, «нагуляла» беременность, отец ее проклял (показательно, что

отец Натальи позже кончил самоубийством). Устойчивость рассказчицы в добре проявилась и в том, что она ушла из дома, где ее вынуждали избавиться от беременности, — она на это не пошла. Но при этом рассказчица признается в двух слабостях: склонности к суициду (попытка после гибели сына и мысли после потери жилья) и пьянство. Стыдливо умалчивает о нынешней жизни: «А почему я мало пишу о последних моих днях, то уж больно неприглядная получилась бы картина...» И эта не утраченная до сей поры стыдливость — несомненно положительная черта рассказчицы.

3. «Хоть я и далек от литературной деятельности...»¹¹

Пишет Сергей А., на момент написания истории ему 44 года. Окончил 8 классов и музыкальную школу по классу скрипки. Рано пошел работать. Имеет несколько судимостей. В общей сложности провел за решеткой 23 года 4 месяца. Стандартная судьба бездомного: тюрьма, смерть родных, отчуждение близких, оставшихся в живых, пьянство от безысходности, низкая мотивация к труду — обычный набор факторов, ведущих на дно. История была бы ничем не примечательной, если бы не стиль — безыскусный, и тем не менее необыкновенно выразительный.

¹¹ См. Расскажи свою историю. — С. 99.

В тексте, казалось бы, отсутствуют какие-либо эмоции, но за спокойным обстоятельным описанием угадывается душевная боль на грани непереносимой. Спокойствие тона этой истории — это спокойствие больного, изнуренного тяжелой болезнью: «Рад еще и тому, что не озлобился на окружающий мир. Да и ни к чему это. Слишком много сил отнимает, которых и так почти не осталось». Тон повествования мирный даже по отношению к людям, причинившим зло: к «лихим ребятам», отобравшим куртку со справкой об освобождении: «Отпор, и достойный, я мог бы, конечно, дать, но это — опять тюрьма и срок. Поэтому пришлось смириться»; к Татьяне — женщине, которая его приютила и сама же затем выгнала из женской мести и ревности; к сержанту милиции, который его «отпинал до полусмерти»; к парням, отобравшим одежду, документы и даже урну с прахом близкого человека. По отношению к людям, которые помогали, рассказчик выражает искреннюю благодарность — к социологу «Врачей без границ» Марине Елисеевне (называет ее по ошибке Марией), медсестре Наде и многим другим, чьи имена в истории не фигурируют. В истории много «белых пятен», недоговоренностей, но автор добросовестно об этом предупреждает: «Я попытался (высказаться), хоть и не договаривая о многом, но попытался. Корить меня в чем-то не стоит, я и сам знаю, какой я нехороший».

Основная тема этой истории — любовь автора к девушке, которая осталась на улице по вине родителей-алкоголиков. Сначала им двигала просто жалость к девушке: «Красивой ее не назовешь, но лицо у нее детское и вся она какая-то беззащитная». Будучи обременен своими неразрешимыми проблемами, рассказчик, повинувшись чувству жалости, которое оказывается сильнее трезвого расчета, берет на себя тяжелое иго заботы о другом существе. Собственно любовью автор свое чувство ни разу в своем повествовании не называет, обходится значительно более скромными определениями: «Если раньше я свободно мог два-три дня ничего не есть, то теперь, глядя на нее, а она никогда не жаловалась, я не мог чувствовать себя спокойно, зная, что она голодная... Вот тогда я и понял первый раз, как я привык к ней и как мне ее не хватает: вроде и не люблю, а душа не на месте... Мы уже решили расписаться с Олесей, и она очень хотела ребенка. Не знаю, успели я полюбить Олесю, но она меня полюбила». И уже после ее смерти: «То, что я грязный и голодный, это все ерунда по сравнению с тем, что умерла Олеся... Со смертью Олеси жизнь для меня потеряла всякий смысл». Память об Олесе для рассказчика опять-таки сильнее практического расчета — он отвергает домогательства Татьяны — женщины, которая его вначале приютила вместе с Олесей, а после ее смерти

стала искать его расположения. Казалось бы, умершую не вернешь, а жить-то надо, но: «Я не мог переступить через себя, ответил ей, что между нами всегда будет Олеся». У автора после смерти подруги — чувство вины, возможно, неоправданное, гипертрофированное, если смотреть на вещи просто и рационально, но рассказчик так не смотрит: «Во всем виноват лишь только я сам. Любой удар судьбы я приму как справедливое возмездие за то, что не смог уберечь человека, как при жизни, так и после смерти. Каких-либо планов на будущее я не строю, поскольку человек предполагает, а Бог располагает» (это единственное упоминание о Боге в приведенной истории).

Так как описываемый в истории период — это полтора-два года, ничтожный срок по сравнению с прожитой этим человеком жизнью, можно предположить, что описываемые события явились для рассказчика важнейшей темой жизни. Хотя автор, несомненно, личность асоциальная, он вызывает не только сострадание, но и симпатию.

4. «Постараюсь нигде не соврать»¹²

Автор истории — некто П. Из рассказа следует, что зовут его Владимир, прозвище — «Метеор». Возраст не указан, но по контексту по-

¹² См. Расскажи свою историю. — С. 462.

нятно, что на момент написания истории ему около 50-ти лет. Образование — среднее специальное. Был женат, имеет дочь.

История изобилует фактами, но жанр изложения — не хроника событий. Скорее, это — ретроспективный анализ прожитой жизни.

Автор связывает воедино две проблемы, которые его преследуют на протяжении всей сознательной жизни: гордыня и алкоголизм. Последнюю беду оценивает как горькое лекарство от первой: «Мне говорят: ... “Вот не пил бы ты, был бы большим человеком, все у тебя есть, только не пей”. Но бодливой корове Господь рог не даст. Я бы добавил от себя: а если даст, то сбивает понемножку. У меня такие рога выросли, что если сбивать их сразу, то только с головой вместе, а понемножку — и долго и больно, но что делать — сам возрастил».

Бездомным автор становится не сразу, состояние бездомности предваряет череда подъемов и падений, связанных с алкоголизмом. Чтобы избавиться от зависимости, автор подает заявление в ЛТП, но его туда не направляют, т.к. направление в ЛТП осуществлялось в принудительном порядке. И тогда от отчаяния Владимир идет на преступление, за которое его осудили на 8 лет. После этого было еще несколько сроков в связи с преступлениями на алкогольной почве. Освободившись, автор пытается найти спасение от пьянства

в восточных духовных практиках, затем в программах американского происхождения — с временным успехом. Эти успехи послужили причиной роста гордыни, что привело к краху семейной жизни и тяжелейшему срыву, от которого автор оправился не скоро и во время которого продал свое жилье. После этого Владимир устроился на ферму к своему товарищу по группе взаимопомощи (вроде «анонимных алкоголиков») — Аркадию, но не ужился с ним и уехал: «Я-то знал, почему я уезжаю. Я хотел пить, а на ферме надо было работать, и редкие выпивки меня не устраивали... А через пару дней я уже был своим среди таких же бомжей на Московском вокзале. Пили все, но в основном, “шапочку” (спирт “Рояль”»).

Поворотным пунктом его биографии становится тяжелое ранение, нанесенное неизвестным: «Парень взял бутылку и ударил меня по голове. Бутылка разбилась — в руке у него оказалась “розочка”. Он ударил меня розочкой в висок (несколько раз)». Во время клинической смерти автору, видимо, было некое откровение, поскольку придя в себя, рассказчик неожиданно начал интересоваться Библией: «Как-то за одну ночь я прочитал все четыре Евангелия... Я заметил, что перестал ругаться — мне просто не выругаться матом... Вера пришла сразу». Но автор еще не определился с конфессией, лишь позже принимает Православие как свою веру.

Владимир рассказывает о чудесах помощи Божией, которые он испытал, будучи бездомным: «Какая-то цепь чудес... Я ни одного дня не ночевал в подвале, ни разу ничего не украл, никого не обманул, даже ни у кого ничего не просил. Все появлялось само собой. Сначала крыша на одну ночь, потом на две, потом на месяц. Так же и с едой, и с заработком. Спиртное как отрезало». Однако через какое-то время автор понял, что его главная беда — гордыня — никуда не делась. Через какое-то время он опять срывается и вновь оказывается на улице с последующими приключениями: рабство у цыган, затем — подвал, затем опять «Божие посещение» в виде раны с сильным кровотечением, после чего автор снова протрезвел на время и устроился продавать газету «На дне». Внешне жизнь снова начала налаживаться: «Я был трезв, имел крышу над головой, был всегда сыт, что еще надо? А надо было самое главное — не иметь бунта внутри. А он был. Моя гордыня бунтовала». В результате — опять срыв, но, как повествует рассказчик, Бог его остановил. В состоянии запоя автор попытался совершить хищение в магазине и попал за решетку. Имея опыт выживания в местах заключения, автор на сей раз решает жить в тюрьме по вере, не согласуясь с неписаными правилами тюремной жизни. Ему это с трудом, но дается: «Тюрьма жестока. Если тебя оскорбили и ты не ответил,

то тебя оскорбят сильнее. Толкнули, не ответил — толкнут сильнее. Отвечать я не мог: это было бы предательством. Оставалось терпеть. Помогла одна мысль: я заслужил все это своей жизнью. Достойное по делам своим приемлю».

Завершает историю Владимир уже бездомным, но считает себя счастливым, так как по милости Божией ему удалось преодолеть бунт гордыни: «Действительно счастливый, только потому, что перестал строить Царствие Божие вокруг себя и начал искать внутри — и приобрел. Помнить об этом и хранить его — вот и счастье, а остальное приложится».

Вот те несколько историй, которыми мне хотелось поделиться (замечу, что они не единственные в этом роде). Теперь — об исследовании остальных историй сборника. Для того, чтобы оценить нравственную вменяемость авторов, я выделил в историях несколько тем и варианты их раскрытия (конечно, в той или иной истории они встречаются не все сразу).

Мои родители и родные. Варианты:

- краткое упоминание (в том числе — с обидой, с оттенком осуждения);
- описание негативных сторон их жизни;
- описание их положительных черт, но без умалчивания и об отрицательных;

- автор тяжело переживает их смерть;
- родители — ближайшие друзья.

Детство. Варианты:

- описывается как нормальное;
- описывается с ностальгией;
- описывается с негативной стороны.

Тема Бога. Варианты:

- «человек — сам себе Бог»;
- Бог — жестокий тиран, «эсэсовец»;
- упоминание (в том числе — в контексте афоризма);
- размышления на тему «если Бог есть»;
- автор не отрицает бытия Божьего;
- Бог — благой Промыслитель, Бог — Существо, Которому можно сказать «Ты» и Которое не обидится за твой ропот.

Отношение к криминалу. Варианты:

- никогда не имел отношения;
- «я — жертва криминала»;
- «было дело: отсидел свое, больше — ни-ни»;
- «я ворую, и мне стыдно»;
- частичный отказ от криминала (отказ вора от убийства, или сутенерства, или: «государство обокрасть — милое дело, но у человека воровать — грех»);
- неосознание преступления как такового;
- самооправдание или отказ от обсуждения темы.

Отношение к алкоголю. Варианты:

— упоминание о запоях (в том числе — от бессилия, после личной трагедии и т.д.);

— «дружу с Бахусом, знаю, что плохо, но без этого не могу»;

— симптоматическая алкоголизация, страсть в динамике: начал увлекаться, систематически выпивал, запил после душевной травмы;

— «несмотря на невзгоды, обхожусь без этого “утешения”».

Отношение к наркотикам:

— резко отрицательное;

— упоминание об употреблении наркотиков без особого сожаления.

Отношение к тюрьме. Варианты:

— не сидел;

— «сидел, и это самое светлое время моей жизни»;

— «отсидел большую часть жизни, свободы почти не видел»;

— сидел несколько раз; «тюрьма — это Архипелаг ГУЛАГ».

Отношение к собственной бездомности.

Варианты:

— бомжевать — невыносимый позор; «не хочу бомжевать, я отчаялся — помогите!»; потеря жилья — потеря человеческого достоинства; «я бомжую — никому не желаю того же»;

— «устал бомжевать, но выхода нет»;

— бродяжья жизнь — масса забавных приключений;

— бездомность — фактор Божьего промысла, посылаемый человеку во благо. Этот крест тяжелый, но Господь помогает его нести. Тяжело, но надо не отчаиваться: все в твоих руках.

Отношение к работе. Варианты:

— «я — творческий человек, но бывает, и работы не гнушаюсь»;

— «хочу работать по специальности»;

— «я — работяга, и этим спасаюсь»;

— «конечно, я не против работы, но нашему брату устроиться трудно — работодатель пошел недобросовестный».

Отношение к попрошайничеству. Варианты:

— категорически отрицательное;

— упоминание как о курьезе;

— просить лучше, чем воровать;

— «приходилось просить — не дают».

Нравственная вина. Варианты:

— самооправдания: «прибег к обману, но ведь в нашем милом государстве иначе ничего не добиться»; совершил преступление — был в сильном запое; «с волками жил — по-волчьи выл: грешил пороками, которые были распространены в той среде, где я обращался, хоть мне это и было противно»;

— виноват в том, что роптал на Бога; виновата в том, что пыталась покончить с собой;
— нарушал запрет на спиртное (мусульманин);
— виноват, что не уберег родного человека как при жизни, так и после смерти.

Отношение к врагам. Варианты:

— «живу в условиях постоянной войны»;
— оскорбительные наименования врагов;
— «айкидо жизни: если вести себя мудро, враги сами споткнутся о свою злобу»;
— «враг — участковый, ненавидит меня за мою правду, враг — брат, который меня посадил. Я на них зла не держу — сам во всем виноват».

Отношение к мужу (жене) и к институту брака. Варианты:

— краткое упоминание супруга (с негативным или позитивным оттенком);
— «угораздило выйти замуж, развелась»;
— «жена меня не понимала; предала»;
— «был сын, рожденный вне брака: отец ребенка меня бросил»;
— переживает смерть супруга;
— «был трижды женат — не сложилось», «была дважды замужем: первый — умер, со вторым — не сложилось»;
— «для меня брак невозможен: я — гомосексуалист»;
— «в брак не вступаю по причине отсутствия материальной базы».

Отношение к детям. Варианты:

— дети — главная забота;
— дети — значительная составляющая, но далеко не вся жизнь;
— краткое упоминание (в том числе — с нежностью);
— с детьми отношения напряженные;
— «находясь в разлуке, скучаю по детям»;
— гибель сына — непереносимая трагедия.

Отношение к благодетелям. Варианты:

— упоминаются с благодарностью;
— подробно описываются сами личности и отношения с ними.

Отношение к товарищам по несчастью.

Варианты:

— поддержка, молитва за них, наставление, активное общение, взаимопомощь;
— критический взгляд, анализ их личностей;
— мирное сосуществование;
— жалость к наиболее беспомощным.

Отношение к городу и его населению, к государству. Варианты:

— негостеприимство города; равнодушие и безразличие людей к судьбе автора;
— государство не заботится о своих гражданах и защитниках, ему не нужна армия, везде ложь, обман, бездуховность, виноваты «реформаторы»;

— «неразберихой 90-х воспользовались многие ничтожные людишки при попустительстве чиновников и органов правопорядка»;

— «в Москве жизнь — дерьмо, москвичи — нехорошие люди, в Питере — лучше»; «в Питере народ попроще»;

— в ОАЭ, где столько мечетей, взаимоотношения строятся на лжи и обмане.

Нравственный фактор в бизнесе и экономике. Варианты:

— предприятие, выступавшее гарантом при взятии кредита, отказалось от своего поручительства;

— экономические реформы повлекли за собой много зла и безнравственности;

— «для меня деньги всегда стояли после человека и тем более друга»;

— «разборки» должны проводиться по справедливости, а не с позиции силы;

— недобросовестность работодателей и бессовестная эксплуатация бездомных вследствие их бесправности.

Показательно, что в попавших в сборник историях «небездомных», маргиналов, круг тем значительно уже. Сквозная тема историй маргиналов — жилищный вопрос. У авторов он настолько далеко оттесняет все прочие на задний план, что впечатление о самих авторах

составить очень трудно. Они не описывают ни своего детства, ни своих отношений с близкими, не раскрывают своего внутреннего мира. Из историй видно, что авторы — люди бедные, однако нищими их назвать было бы неправильно, хотя они сами и причисляют себя к категории бездомных, «бомжей». Со стороны авторов это можно расценить как сознательный (или полусознательный) способ вызвать сочувствие. Стать «бомжом» для них — катастрофа, которая еще не произошла, но вероятность которой, по расчетам авторов, весьма высока. Одна из авторов связывает потерю человеческого достоинства с потерей квартиры, и, похоже, она выражает мысль большинства. Авторы представляют собой бедных людей, которым *еще есть что терять*, поэтому они, как утопающий за соломинку, держатся за свое небольшое, но столь дорогое и жизненно важное имущество.

Авторы-бездомные не являются нравственно безупречными. Их девиантность очевидна. Но в отличие от людей, еще балансирующих на краю жизненного краха, нравственные темы для бездомных более актуальны и интересны. А происходит это, видимо, потому, что жизнь лишила бездомных очень многих иллюзий, характерных для человека социального, и заставила задуматься о проблемах, чуждых благополучному обществу. Здесь налицо фак-

тор Посещения Божьего. Это Посещение и привело некоторых авторов к глубокой вере, как мы видим в истории с Алимом «Кто проводник наш?»¹³ или с автором истории «Постараюсь нигде не соврать»¹⁴. Или укрепило веру, как у Натальи — автора «Истории моей жизни»¹⁵. К сожалению, даже среди них к глубокой вере пришло незначительное меньшинство. Тем не менее, в целом можно предположить, что сама ситуация социальной исключенности ставит перед личностью не только проблемы физического выживания, но и нравственные. Как человек будет их решать — зависит от него. Но очевидно, что этот выбор происходит в условиях обостренного слышания голоса совести.

Почему же этот факт остается никем не замеченным, даже теми, кто постоянно общается с бездомными? Можно предположить, что впечатление об их абсолютной нравственной несостоятельности складывается из-за их социальной стратегии: взять от «большого общества», и особенно — от представителей общественных институтов — все возможное, не связав себя никакими ответными обязательствами. Поэтому с бездомным невозможно «просто пообщаться»: искренности общения помешают его желание что-нибудь «выцыганить» здесь

¹³ См. Расскажи свою историю. — С.24.

¹⁴ Там же. С.462.

¹⁵ Там же. С.43.

и сейчас или страх перед гипотетическими неприятностями от незнакомца. В условиях же незаинтересованности бездомного в какой-либо сиюминутной выгоде, а также при отсутствии страха репрессий доверительный контакт вполне возможен, и в условиях такого контакта можно достоверно выяснить степень нравственной вменяемости человека.

Анонимное анкетирование бездомных

К сожалению, однократность конкурса «Расскажи свою историю» и малая выборка (47 фактических бездомных) не позволяют получить усредненный результат, для которого желательно было бы проведение ряда конкурсов-замеров. Но чтобы проверить мое предположение о высокой степени нравственной вменяемости бездомных, было решено провести анонимное анкетирование как более простую и доступную по сравнению с конкурсом форму исследования. Во-первых, анкетирование обеспечивает максимальную выборку за короткое время: за 5–7 полевых выходов по 1,5–2 часа была получена выборка 150 человек. Во-вторых, для респондентов, как и в случае конкурса, это — общение с некой «безличной» инстанцией, которую невозможно ни обаять, ни разжалобить, поэтому отпадают основные мотивы для лжи. Кроме того, анонимность должна была устранить

страх респондентов ухудшить отношения к ним со стороны тех, кто им помогает, в случае «плохих» ответов на вопросы анкеты.

В виде вопросов в анкете представлены основные темы, выделенные при анализе сборника «Расскажи свою историю», а в качестве вариантов ответа приведены варианты раскрытия этих тем. Кроме вопросов, носящих социометрический характер, каждый вариант ответа получил оценку в баллах, исходя из критериев нравственного богословия: положительную или отрицательную. «Нулевое» значение присваивалось варианту ответа, характерному для «естественной» нравственности, т.е. для человека, не отягощенного особыми пороками, но и «не претендующего на святость». Остальные варианты оценивались в положительную или отрицательную сторону.

Прежде всего, надо отметить, что респонденты активно отозвались на опрос. В большинстве своем они дали ответы на все вопросы. Вопросы и варианты ответов оказались понятными, о чем свидетельствует разнообразие ответов.

Отношение к труду

Интересно, что всего 0,7 % опрошенных выразило презрение к труду, к честному заработку. В графе «профессия» 47,3 % (большинство) вписали: «квалифицированный рабочий», в гра-

фе «отношение к труду» 35,3% (также большинство) вписали «работяга».

Здесь требуется комментарий. В статье «Бездомные как terra incognita»¹⁶ я, ссылаясь на статью И. Карлинского, говорил о том, что у бездомных с большим стажем наблюдается значительное снижение как мотивации к труду, так и квалификации — у тех, у кого она вообще была. Тем не менее, результаты опроса показывают, что почти у всех опрошенных сохранилось, *по крайней мере, желание жить честным трудом*. Они, конечно, могут выдавать желаемое за действительное, но «желаемое» — все же есть! Осуществить это желаемое для бездомных — задача едва ли исполнимая, им может не хватать дисциплины, смирения, квалификации. Но мы не вправе их обвинять в злонамеренном тунеядстве и иждивенчестве. В качестве мотивации к труду 19,3 % указали нежелание воровать, а 33,3 % (большинство) считают воровство грехом без оговорок (при этом некоторые из них признались, что все же воруют). Еще 9,3 % респондентов потребность в труде обосновывают необходимостью избежать разлагающей праздности. Таким образом, при постановке вопроса о трудовой реабилитации социально исключенных имеет смысл

¹⁶ См. Бездомные как terra incognita // Милосердие.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.miloserdie.ru/articles/bezdomnye-kak-terra-incognita->

попытаться изменить направление усилий: вместо того, чтобы «приучать бродягу к работе» (чаще всего тяжелой и неквалифицированной), лучше позаботиться о восстановлении или повышении его квалификации, что позволило бы ему успешно вписаться в рынок труда и чувствовать себя уверенней в условиях жесткой конкуренции на этом рынке.

Отношение к алкоголю

Следующая тема вызывает серьезную озабоченность. Это — тема алкоголизации. Как мы уже знаем, многие бездомные сами связывают свои неудачи именно с этой проблемой. Но при этом отношение к страсти пьянства у опрошенных недостаточно критическое. 20,6 % «выпивают, как все», то есть отказываются от личной ответственности за этот грех; примерно столько же констатируют факты запоев, не оценивая их никак. На личную трагедию как причину пьянства ссылаются 12,6 % — это тоже некая попытка найти себе оправдание. А 8,6 % любят свою страсть к «водочке». Только 6 % осознают себя алкоголиками и 14 % — не пьют.

Экстернальный локус контроля

Термин «экстернальный локус контроля» (ЭЛК) означает склонность личности искать корень своих проблем не в себе, а в сложившихся обстоятельствах: политике правительства,

предательстве родственников, жены, злонамеренности окружающих. Своего рода синдром «плохого танцора». У ряда исследователей высказывается суждение о ЭЛК как характерном свойстве обитателей «дна», в том числе — бездомных.

Мы оценили степень ЭЛК наших респондентов по 13 возможным признакам, выводимым из нашей анкеты. Вот какие сюжеты должны встречаться в анкете обладателя ЭЛК:

— плохое отношение со стороны близких (либо родственников, либо жены или мужа — его предали, погубили и т.п.);

— тяжелое детство;

— злонамеренность врагов;

— если был в тюрьме, то или «за правду», или «ни за что»;

— пьет вследствие «личной трагедии»;

— ошибок не совершал или совершал, потому что его обманули;

— вины никакой за собой не чувствует;

— в своих неудачах винит в том числе Бога.

Однако, если респондент выбрал лишь один из перечисленных вариантов ответа, это еще не свидетельствует о его ЭЛК. Ему действительно могло «не повезти». Один симптом диагноза не определяет. Если два — можно говорить о слабовыраженном ЭЛК. О выраженном же экстернальном локусе контроля могут говорить лишь три и более признаков. Респонденты

распределились по степени ЭЛК следующим образом:

- нет — 43 %;
- слабовыраженный — 46 %;
- выраженный — 11 %.

Таким образом, мы видим, что у подавляющего большинства опрошенных сохранилась достаточно критическая самооценка. Порой она даже гипертрофирована: так, говоря о своих родных, 41 % опрошенных считает себя недостойными их. 35,3 % (большинство) в качестве своей ошибки указывают свое невнимание к советам близких людей. Эти данные свидетельствуют о способности респондентов к внутренней покаянной работе.

Делинквентность

Таким же образом мы попытались оценить уровень делинквентности, т.е. активной антисоциальности с тяготением к криминальности. На нее могут указывать следующие признаки:

- опрошенный проводит разделение на «бомжей» и «бродяг» (таковы воровские «понятия»; делинквент бравирует тем, что он «бродяга», а не «бомж»: «бродяга не просит, бродяга — ворует!»);
- бравирует нетрудовыми источниками существования («я ворую!»);
- чувствует себя в тюрьме «как дома» или, по крайней мере, сносно;

— не жалеет об употреблении ранее наркотиков;

— часто ради выгоды прибегает к обману.

По степени делинквентности опрошенные распределились так:

- нет — 65,3 %;
- слабовыраженная — 30,6 %;
- выраженная — 4,1 %.

Отношение к вере

Подавляющее большинство респондентов позиционируют себя «христианами» (40 %) или «православными» (32 %) и на ряд вопросов дают ответы традиционно христианские.

Так, 34,6 % (большинство) признают святость брака. Заявили, что молятся за товарищей по несчастью и поддерживают наиболее беспомощных, 24,6 %. О прощении своих врагов («Бог им судья») говорят 42 % (большинство). Также большое количество респондентов (22 %) считают, что их судьба — в руках Божьих. Тем не менее, на вопрос: «в чем выражается ваша вера?» мало кто заявил себя практикующим христианином, только 1,3 % написали: «Регулярно исповедуюсь и причащаюсь». 26 % (большинство) написали, что верят «в душе»; 15,3 % убеждались на опыте в существовании Бога; такое же количество тех, что молится; 12,6 % прибегает к наставлению священника. Убежденных атеистов немного, но

зато 14 % считают, что «на Бога надейся, но рот не разевай».

Проведенное исследование в целом показало, что содержание сборника «Расскажи свою историю» соответствует реальности. И истории, и результаты опроса согласно свидетельствуют о нравственной вменяемости большинства авторов-бездомных, даже в большей степени, чем у иных людей, никогда не живших на улице (исходя из соотношения нравственных тем в историях, написанных в сборнике «Расскажи свою историю», см. выше).

Данные исследования опровергают суждение о бездомных как о неисправимых тунеядцах — большинство из них даже чрезмерно озабочены проблемой трудоустройства. Желание жить честным трудом присуще большинству бездомных. Другой стереотип — представление о стопроцентной делинквентности бездомных — также не находит подтверждения в исследовании. Как не находит подтверждения и мнение о характерном для бездомных экстернальном локусе контроля.

Большинство наших опрошенных придерживаются традиционно христианских этических ценностей: признают святость брака, любят детей, готовы простить своих врагов, считают воровство грехом без оговорок. Большинство респондентов придерживаются смиренной са-

мооценки: считают себя недостойными своих родных, раскаиваются в том, что не слушались советов близких. Не большинство, но достаточно многие из них стараются помочь и поддержать товарищей по несчастью, даже молятся за них. Многие респонденты считают свое положение проявлением воли Божией и выражают надежду на помощь свыше. Подавляющее большинство респондентов, отвечая на вопрос «вероисповедание», позиционировало себя или христианами, или православными. Несмотря на то, что практикующими христианами заявили себя чуть больше 1 %, даже номинальная принадлежность к определенному исповеданию влияет на нравственный уровень респондентов: как показал анализ данных, среди номинальных православных и христиан средняя оценка нравственного самосознания выше почти в два раза, чем у прочих.

Таким образом, мы видим, что отмечаемая специалистами (в частности, Л. Мукьелли и А. Веклиаром) социопсихологическая трансформация личности у бездомных, затрагивающая в основном социальные навыки, рабочую квалификацию и прочее, в целом не затрагивает духовно-нравственную составляющую личности.

Конечно, нельзя недооценивать тяжести для человека утраты и квалификации, и социальных навыков. Чтобы помочь бездомным восстановить и эти навыки, и квалификацию,

необходимо приложить максимум усилий. Но главное — то, что имеется перспектива для таких усилий. Перспектива, заключающаяся в духовно-нравственной сохранности людей, оказавшихся на самом дне общественной жизни. Люди, прошедшие испытание бездомностью, как показало исследование, приобретают уникальный духовно-нравственный опыт, недоступный большинству «благополучных» людей.

Один из главных выводов такой: эти несчастные одинаково грязные и дурно пахнущие люди — абсолютно разные. Объединяет их только общая беда — отсутствие крыши над головой и все, что из этого следует. Они находятся в одном секторе нашего социального поля зрения, что приводит на ум слова Иоганна Кеплера: «Всякое созвездие ни больше ни меньше, как случайная компания звезд, ничего общего не имеющих ни по строению, ни по значению, ни по размерам, ни по досягаемости». Говоря о проблеме бездомности, ставишь себе вопрос: какая сущностная черта объединяет представителей этой категории людей, — и приходишь к выводу, что такой черты просто нет.

А что же есть? Полагаю, что описанная Мукьялли и Векслиаром социопсихологическая трансформация личности представляет собой некую социальную стратегию. Об этом пишет и Мукьялли: «Недовольство исключением при-

водит к своеобразной форме протеста — закреплению своего исключенного статуса, усвоению девиантных практик, появлению новых субкультур аут-групп»¹⁷.

Суть этой социальной стратегии выразил Олег Боровских, человек с большим стажем бездомности, в серии своих статей «Записки БОМЖа»: «А я жив — после десяти лет скитаний. И вовсе не потому, что чем-то лучше других бездомных. Просто для меня сразу стало ясно, что вот такое уничтожение нищих — это система. Вонь, идущая от бомжей, — это вонь самой системы. Во главе этой системы — палачи. Надеяться на милость палачей — верх глупости. Нужно воспринимать это государство как врага и держаться от этого врага подальше. Поменьше у него просить, поменьше заглядывать на вокзалы и вообще в какие-либо государственные учреждения, ни в коем случае не ждать снисхождения или понимания».¹⁸

Но социальная стратегия работает только в социуме или, в данном случае, в субсоциуме. Поэтому представляется заведомо провальной

¹⁷ См. подробнее Mucchielli L. Clochards et sans-abri: actualité de l'oeuvre d'Alexandre Vexliard / Laurent Mucchielli // Revue française de sociologie. — 1998. — XXXIX-1. — P. 105–138.

¹⁸ Записки БОМЖа: хуже — может быть всегда // Милосердие.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.miloserdie.ru/articles/zapiski-bomzha-huzhemozhet-byt-vsegda>.

«конвейерная», массовая ресоциализация бездомных как социальной группы. Люди, связанные узами своего круга, занимают «круговую оборону» и проваливают любые попытки что-либо изменить в их жизни. Вот как пишет об этом социолог Зоя Соловьева, исследовавшая опыт фонда «Ночлежка»:

«Ночлежка своим воздействием на личность бездомного напоминает вокзал, который, по свидетельству его обитателей, «затягивает». В ночлежке формируется сообщество, которое скрепляют не общие ценности или убеждения, а разделяемые практики потребления и проведения времени.

С увеличением стажа пребывания в ночлежке происходит закрепление практики совместного распития алкоголя. Пьют практически все, но важно не делать этого демонстративно и не впадать в длительный запой, так как это грозит санкциями со стороны администрации, которая периодически устраивает проверки на предмет хранения спиртосодержащих жидкостей. Через практику совместного «распития» формируется сообщество ночлежников, именно эта практика, на мой взгляд, определяет его границу.

С ночлежкой трудно расстаться даже в том случае, если есть куда уйти или уехать. Появляющиеся деньги (например, собранные попрошайничеством, продажей газеты или

разовыми подработками) не откладываются на будущее, а совместно пропиваются»¹⁹. «Победить» субсоциум бездомных — задача нереальная. По слову Маяковского, «если в партию сгрудились малые, — сдайся, враг, замри и ляг!»

Поэтому выходом в данной ситуации может быть главным образом индивидуальный подход.

¹⁹ Соловьева З. Обитатели «Ночлежки» и других благотворительных организаций в перспективе социологии повседневности: Невидимые грани социальной реальности // Сб. статей по материалам полевых исследований / Под ред. Воронкова В., Панченкова О. Чикадзе Е. — Труды ЦНСИ, вып. 9. — СПб., 2001. Режим доступа: http://www.indepsores.spb.ru/sbornik9/9_solov.htm.

Глава 2

Богословский взгляд на помощь бездомным

«Так как вы сделали (не сделали) это одному из братьев Моих меньших...» (Мф. 25).

Правильно ли мы это понимаем?

В предыдущей главе я попытался показать, что несмотря на очевидную девиантность, асоциальность поведения бездомных, для них, как правило, живы нравственные и экзистенциальные темы, не умолк окончательно голос совести. Для христианского взгляда это не открытие: мы призваны к тому, чтобы суметь видеть в ближнем образ Божий через любые искажения. Тем большую тревогу вызывают ситуации, когда христиане оправдывают свое неприятие бездомных, приводя в свое оправдание доводы в том числе «от Писания». Вот одно характерное высказывание — комментарий на материал

сайта «Милосердие.ru» о деятельности Автобуса «Милосердие»:

«Бригада автобуса творит подвиг, непосильный для многих. Но пока будет ездить по улицам автобус, количество бездомных будет только расти. <...> Действительно ли, когда Христос говорил: "...был голоден, и не накормили Меня...", Он имел в виду и опустившихся пьяницы, валяющихся в грязи? Или все-таки Он говорил о людях, попавших в беду невольно? Ведь все закономерно, "кто не хочет работать, да не ест".

*Простите меня, каждый день хожу на работу мимо вокзала и каждый раз вглядываюсь, где же в них образ Божий или хотя бы человеческий... Я не имею в виду инвалидов и детей — согласитесь, их небольшой процент. Я говорю о здоровых нестарых мужчинах и женщинах. Я все понимаю: что на улице оказаться просто, что никто не застрахован от этого. Но это мое смущение и моя внутренняя проблема оскудения любви. Еще раз простите. Помогите вам всем Господь».*²⁰

0.

Автор реплики выражает сомнения в универсальности заповедей о любви к ближнему (см. притчу о Страшном Суде, Мф. 25), противо-

²⁰ Грех бездомности? // Милосердие.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.miloserdie.ru/articles/greh-bezdomnosti>.

поставляя этому тезис апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Конечно, приходится напоминать оппоненту, что во-первых, Господь Иисус Христос пришел спасти *все человечество*, в том числе (и главным образом) грешников, а во-вторых, суд над грешниками и вынесение решения о достоинстве или недостоинстве того или иного человека — прерогатива Бога, а наша скромная задача — верить написанному в Евангелии и творить дела милосердия.

Однако мы часто увлекаемся апологией нашей деятельности и даже не замечаем важного оттенка этой нравственной проблемы: насколько для нас, для наших действий важно, пойдет ли наша помощь впрок, изменятся ли адресаты нашей помощи? Этот вопрос звучит как риторический: ведь мы отвечаем не за то, каков сам по себе наш ближний, а за наше к нему отношение — милосердное или не очень.

Тем не менее, если наш ближний сам по себе перестанет нас интересоваться и мы упустим его живую личность, наше отношение трудно будет считать милосердным. Разве милосердие рассматривает ближнего в качестве безличного объекта (например, нашей благотворительности)? Разве ближний — тренажер для наших упражнений в добрых делах?

Для того, чтобы разобраться в этой непростой нравственной задаче (выраженной в ви-

димом противоречии чтения о Страшном Суде (см.: Мф. 25, 31–46) и послания апостола Павла к Солунянам («Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», 2 Сол. 3, 10), неизбежно обращение к догматике.

В отрывке Евангелия, повествующем о Страшном Суде (см.: Мф. 25, 31–46), Господь призывает творить дела милосердия в отношении всех страждущих людей на том основании, что все «сии» — братья Его меньшие, то есть сопричастники **Его человеческого естества**. Человеческое же естество, воспринятое Господом, не имеет своей отдельной человеческой ипостаси (как ошибочно предполагал Несторий), но имеет в качестве своего ипостасного носителя ипостась Бога Слова, т.е. второго Лица Св. Троицы. Человечество Господа, таким образом, принадлежит каждому человеку, и поэтому и возможным оказалось уврачевание всего человечества: «На рамах, Христе, заблуждшее взял естество, вознесся еси, Богу и Отцу привел еси»²¹. Таким образом, аргумент: «...так как вы сделали (не сделали) это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали (не сделали) Мне» — это призыв помогать всем страждущим, невзирая на лица, **ради любви к Самому Господу, Который носит то же естество, что и мы, и адресаты нашего милосердия.**

²¹ Цветная Триодь, Служба на Вознесение Господне, канон.

В греческом тексте эта любовь обозначается термином «ἀγάπη» и означает высшую, совершеннейшую любовь. Об этой любви говорит и апостол Павел в своем «гимне любви» (см.: 1 Кор. 13, 1–8). Это же слово мы читаем и у Иоанна Богослова: «*Бог есть Любовь*» (1 Ин. 4, 8). И эта любовь может быть направлена только на личность, только на **кого-то**, а не на **что-то**. Нельзя любить близкого человека в том же смысле, как, например, селедку с луком. Конечно, человеческое естество — это не селедка с луком, но все же (несмотря на то, что включает в себя не только плоть, но и душу), без конкретного ипостасного носителя оно представляет собой неодушевленную категорию (и в языке склоняется как неодушевленное — в винительном падеже — «На рамах, Христе, заблудшее взят (что?) естество». А в случае одушевленности — «...спасе мя, заблуждающагося (кого?) человека»²²). **Таким образом, любим в этом смысле мы не само естество, а его ипостасного носителя.** В отрывке о Страшном Суде этот носитель — Сам Господь.

Но ведь Господь заповедал любить не только Его, а и ближнего. Своих «братьев меньших» он не обезличил, отождествив с Собой. В своей эсхатологической беседе Христос переключает

²² Октоих, Воскресная служба 2-го гласа, стихиры на «Господи воззвах».

нас с личности нуждающегося, который нам может быть неприятен или даже ненавистен, на Себя, на Свою Божественную Личность. Смысл сего понятен: Господь нас желает отвлечь от лицеприятия, от пристрастного отношения к нуждающимся в нашей помощи. Эти же призывы звучат в Нагорной проповеди — быть сынами Отца Небесного, который «*солнце Свое сияет на злых и благих и дождит на праведных и неправедных*» (Мф. 5, 45). Господь призывает любить врагов, благословлять ненавидящих нас и творящим нам напасти. Таково, по-видимому, значение этих призывов к безличному восприятию адресатов нашего служения.

Но Господь не может абсолютизировать эту отрешенность от личности нашего ближнего. Ведь любить нам надо именно этих людей, а не каких-то вымышленных. Т.е. при абсолютном характере требования любви к ближнему, которое не может быть отменено ничьими личными особенностями, мы должны, тем не менее, любить именно личность. Ведь любовь в значении ἀγάπη, как уже говорилось, может быть направлена только на личность, то есть субъект, а следовательно, и субъективная составляющая судьбы ближнего для нас представляется чрезвычайно важной.

Непонимание этого богословского момента и приводит зачастую к путанице. В разговорах о бездомных и вообще нуждающихся мы в раз-

ных вариантах постоянно слышим такие вопросы:

«Как относиться к нищим, которые сидят рядом с храмом, и людям, приходящим в храм за материальной помощью? Чтобы похристиански? Вроде бы «просящему — дай», а с другой стороны, — нельзя же потакать тунеядцам, обманщикам, алкоголикам, тем самым развращая их. И все-таки: они же тоже люди, они тоже зачастую нуждаются в помощи. И еще: в помощи-то они нуждаются, но зачастую не в той, о которой просят. А рассуждая об этом, не впадаем ли мы в грех осуждения или просто ошибку в отношении человека?..» и т.д.

Распутать этот клубок вопросов можно, выделив два возможных подхода к нашим адресатам, просящим помощи. Мы можем к ним относиться как к некому образу, «архетипу», который можем видеть в нашем ближнем. Личность же человека при этом можно вынести, так сказать, «за скобки» — если есть риск пристрастного, лицеприятного отношения. А можем воспринять нашего адресата как данную личность с данными личностными особенностями и проблемами. Ни в том, ни в другом случае мы не погрешаем против любви к Богу и ближнему. Просто в первом случае наша любовь направлена на Господа, чей «брат меньший» перед нами, а во втором — непосредственно на лич-

ность нашего адресата. Но нужно знать, когда уместен тот или иной подход. Это может избавить нас от фатальных ошибок.

Прозящие милостыню

Человек стоит или сидит с протянутой рукой, шапкой и т.п. Свою просьбу он может никак не озвучивать (поза просящего говорит сама за себя), а может высказывать ее какими-то общими словами: «Подайте Христа ради» или: «Подайте на хлебушек». Существуют и другие варианты, но для просящих милостыню характерны следующие два признака:

1) просьба адресована не какому-то конкретному человеку («Помогите, люди добрые!»);

2) желательный размер помощи не указывается («Помогите, кто сколько может!»).

Здесь вполне уместен «архетипический» подход. В чем его суть? Когда мы видим человека, просящего милостыню, мы стоим перед очень простым выбором: дать (если есть и не жалко) или не дать (если нечего или жалко). Личностью просящего как таковой мы при этом не интересуемся. Если мы даем Христа ради, то наше подаяние принимает Сам Христос. Подаяние — это, можно сказать, ритуальное действие, акт веры. Подать нищему — все равно что поставить свечку перед образом. Только эта икона — живая. Живой образ Христа. И дабы

«не погубить мзды своея», не стоит размышлять, кто перед тобой — действительно нуждающийся человек или «профессиональный» нищий. По крайней мере, эти соображения не должны влиять на наше решение — дать или не дать. Сами эти мысли не могут не прийти в голову, но мы можем их отвергнуть.

Конечно, мы можем такому человеку предложить и адресную помощь. Но для этого нужно иметь особое чувство такта и любовь, пригасить в себе «комплекс всеобщего спасателя», чтобы ничего не навязывать, не тащить человека силком в светлое будущее. В противном случае мы рискуем нарваться на неожиданный и грубый отпор. Если мы воспитанные люди, не стоит вторгаться туда, куда нас не приглашают.

Если же на ваше предложение откликнулись, и вы уверены, что это — не формальный жест вежливости со стороны подопечного, то можно и отвести человека на перевязку, и напоить его горячим чаем, и просто рассказать ему о возможности получить ту или иную помощь: даже если сейчас человек не готов ее принять, он может спустя некоторое время этой информацией воспользоваться. Но нужно понимать: с какого-то этапа помощь бездомным потребует уже профессиональных знаний и подхода (подробнее о том, как ее оказывать, см. следующую главу). В выборе меры нужно проявлять трезвомыслие, а иногда и осторожность. Иначе

ваша помощь может закончиться драматически или даже трагически:

«Недавно в Твери произошла трагедия. Бомж убил прихожанку храма, которая встретила его после службы на паперти и пригласила к себе домой просто для того, чтобы накормить. Доброта и радушие обернулись страшной бедой. И для нас это повод вновь обратиться к непростой проблеме: что значит помогать ближнему?»

Она помолилась. Исповедалась и причастилась. Выходя из нашего храма, подала нищему монетку. Посмотрела на его скорбный вид и сказала: «Приходи ко мне на обед». Наверное, вспоминала слова Спасителя: «Я был голоден, а вы не накормили Меня»... Он пришел по указанному адресу. Она налила ему тарелку супа. Он съел и, достав нож, нанес ей два удара, от которых она умерла. Он взял велосипед, который она и ее муж купили их сыну. Ее звали Надя.

Убийца задержан и признал свою вину. Велосипед он продал за 800 рублей...»²³

Несчастный убийца, скорее всего, попав в теплую и уютную квартиру, воспылал ненавистью и завистью к благополучным людям. Но здесь будет неуместно обсуждать, в чем ошиблась Надежда, поступив по-евангельски и накормив

²³ Наши нищие // Церковный вестник. — 2007, сентябрь. — № 18 (367).

мив нищего. Упокой, Господи, душу рабы Твоея! Светлая память Надежде, но нам надо знать, чем мы рискуем, поступая подобно ей. Готовы ли мы к венцу страстотерпца? И не спровоцируем ли мы нашего подопечного своими действиями на столь тяжкий грех?

Адресная помощь

Но вот человек обратился к нам лично — и теперь это уже требует нашей личной реакции. Сидя на паперти и не обращаясь ни к кому конкретно, человек приемлет подаяние как бы из руки Божьей: он рискует ничего не собрать, но верит, что Бог его не оставит. И мы, не зная, как он распорядится подаянием, подаем в расчете на то, что Господь «все управит». Но теперь он обращается лично к вам, и схема взаимоотношений меняется. Почему просящий выбрал именно вас? У вас доброе лицо или вы одеты «по-православному»? Может быть, вы, проходя мимо храма, перекрестились? Или стоите в очереди за чем-то (например, билетом на поезд) и не можете отвертеться, сказав, что у вас нет денег? Так или иначе, но у человека сложилось впечатление, что вы ему не откажете, — иначе какой смысл обращаться с просьбой? В данном случае надежду на Бога он спроецировал на вас. И здесь «архетипический» подход должен уступить место другому — персональному.

Именно этому подходу и будет посвящена следующая глава. Он предполагает два возможных критерия оценки нашей работы: ее практическая эффективность и этичность. Наиболее подробно об этических вопросах (точнее их можно назвать нравственно-практическими) см. подглавку «О денежных просьбах» (с. 111–127).

Глава 3

Бездомный просит о помощи. Что делать?

Семь стандартных уловок, чтобы не заниматься бездомным. Отказы и имитация помощи

В серии «Азбука милосердия» уже выходила книга о помощи бездомным: в методическом пособии И. Кускова²⁴ даны рекомендации по организации бесплатных обедов, пунктов сбора и раздачи одежды, медицинской и юридической помощи и т.п. Но что делать, если на приходе нет возможности открыть какой-либо проект, требующий серьезных вложений? А бездомные все равно придут и будут просить о помощи.

Проблемы этих людей слишком запутаны и многочисленны, чтобы можно было их сразу распутать. Seriously разобраться в сложившейся ситуации у большинства священников времени не хватает (ведь в ответ он услышит

²⁴ Кусков И. Как организовать помощь бездомным на приходе: Методич. пособие. — М.: Лепта-Книга, 2011.

стандартную «сказку про белого бычка», раздражающую своей топорностью, но абсолютно не подлежащую верификации). У многих священников и сотрудников храма имеется еще и некоторый негативный опыт общения с бездомными (см. с. 23–27). Поэтому бездомного в храмах часто ожидает вполне стандартная реакция, которая варьируется в разных приходах. Привожу несколько самых распространенных вариантов, среди которых нет ни одного выдуманного — все взяты из реальной жизни.

- **«Иди отсюда! Ходят тут!»** (Обычно — когда бездомному удастся пройти не дальше сторожа или свечницы.)

Комментарий. Ответ может быть и менее грубым, но его суть (жесткий отказ оказать внимание и помощь) от этого не меняется. Между тем, Святейший Патриарх Кирилл надеется на прямо противоположное отношение своей паствы к бездомным. Вот отрывок из его обращения к бездомным на Пасху (2010 г.)²⁵:

«Не многие из вас пока ходят в Церковь — может быть, потому, что думают, что Церковь только для людей благополучных и хорошо одетых? Это совсем не так! Господь Иисус

²⁵ Пасхальное обращение Святейшего Патриарха к бездомным //Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1126767.html>.

*Христос учит нас в Евангелии: когда делаешь обед или ужин, не зови друзей или соседей богатых. Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых... **Так что, конечно, в православных храмах вас ждут и никто не обидит вас только за то, что вы не очень хорошо одеты и вам негде жить**».*

Такое обещание за нас дал наш Предстоятель. И мы, хотим этого или не очень, должны соответствовать. Но вот что хотелось бы отметить: конечно, недопустимо в Церкви «встречать по одежке» (см.: Иак. 2, 1–9), однако это требование не относится к тем случаям, когда человек пришел нетрезвым или иным образом нарушает порядок в храме (например, попрошайничает в храме во время богослужения). Такого посетителя нужно остановить и попросить не мешать (если он мешает) или прийти в храм, когда протрезвеет (если он пьян).

- **Дается на руки от 10 до 50 рублей.**

Комментарий. Как показывает практика, после выдачи денег одному подопечному, в ближайшее время подходят еще пять-шесть, пока сумма не составит стоимости нескольких бутылок «Виноградного дня» или чего-нибудь подобного.

- **Предлагается работа, (например, по уборке территории), после чего дают поесть, и, возможно, немного денег.**

Комментарий. Эта практика сама по себе была бы хороша, но от нее в последнее время стали отказываться (см. с. 23: «При слове «работа» в глазах у еще совсем не старых парней (а их возраст не превышает сорока лет) возникает выражение вселенской тоски, и работу они делают так скверно, чтобы в следующий раз их уже об этом не просили»).

- **«Иди в отдел по благотворительности, там помогут. Куда? До Курского, потом — прямо, а там — любой подскажет».**

Комментарий. Кто из нас не испытывал тяжесть такого вида легкой атлетики, как «бег по инстанциям»? Любое мало-мальски серьезное событие жизни сопровождается столкновением с бюрократией, с необходимостью собирания множества справок, выписок, доверенностей и прочих документов. И в процессе этого сбора нам приходится преодолевать по городу значительные расстояния, искать адреса нужных учреждений, выяснять расписание их работы. Часто нужный нам чиновник принимает один раз в неделю, и сегодня мы уже опоздали, а через неделю — он заболел. Но мы живем в этом городе, ориентируемся в нем, у нас есть телефон, интернет, необходимые справочники, деньги на дорогу. Есть терпение. Мы не голодны, не раздражены, хотя досадуем, что не все получается в нужные сроки.

Теперь поставим себя на место бездомного. Мы пришли за помощью. В одном месте нам отказали. Во втором дали покушать и немного денег (рублей двадцать, если повезет). В третьем сказали, что помочь нам могут в отделе по церковной благотворительности. Адрес сообщили приблизительно. В метро не пускают — денег нет и одежда не первой свежести. Ничего! Язык доведет до Киева, а волка — ноги кормят. К концу дня нашли, но сотрудники отдела уже ушли домой. Переночевав, незнамо где, приходим с утра: оказывается — не туда пришли. Надо на Курский вокзал, к Автобусу «Милосердие», там помогут. Пришли к Автобусу — опять опоздали! Необходимо пройти санобработку, а для «клиентов» Автобуса она — в час дня. Теперь — только завтра, а то и на следующей неделе (если сегодня, например, пятница, и уже два часа дня). А на следующей неделе все повторяется с разностью в нюансах. И хоть бы глоток воды, а то так кушать хочется, что даже переночевать негде! И человек с организмом, ослабленным (не от хорошей жизни) алкоголем, никотином и т.п., теряет терпение и начинает выказывать недовольство, за что часто попадает в «черный список» благотворительных организаций. Почему? Да потому что каждый раз, когда мы даем очередной адрес, у него укрепляется убеждение, что мы его «посылаем», и он при этом не далек от правды.

Впрочем, бездомные не всегда столь безропотно идут, куда их «посылают», как я это описал. Те, кто почестнее, — начинают плакать, что им не добраться, что на метро денег нет и вообще их туда не пустят (что правда). А многие говорят: «Мы там уже были, там не оказывают никакой помощи», «мы там были, там — одни жулики» или: «чтобы попасть туда, с нас требуют мзду». «Да я разговаривал с дьяконом Олегом, — утверждает мне в лицо человек (разумеется, не зная, что дьякон Олег — это я), которого я вижу в первый раз, — никакого толка!». Есть люди, которые благодарят за информацию и идут. Но не туда.

- **«Здесь все-таки храм, сюда не за деньгами приходят. Вы можете помолиться».**

Многие просители после этого разворачиваются и уходят, и лишь немногие соглашаются на молитву. Тогда просящему о помощи могут дать денег.

Комментарий. Этот «миссионерский» подход не учитывает возможностей «цыганского интернета», по которому вся информация очень быстро распространяется в бродяжьей среде. Вполне возможно, что этот вариант скоро будет «расшифрован» и храм наполнится «усердными молитвенниками», ожидающими вознаграждения за свое «правильное» отношение.

- С просителем беседуют несколько членов общины и после этого сообщают свое мнение настоятелю. Если большинство за — помогаем, если против — не помогаем.

Комментарий. Если ради каждого просителя собирать такой «кворум», то на другие дела времени не останется.

Встречались мне варианты и более оригинальные, но столь же неэффективные:

- Подопечного просят рассказать свою историю, и, не подвергая проверке ее достоверность, оценивают на предмет художественных достоинств: красиво рассказал — на тебе тысячу рублей; так себе — возьми свои пятьдесят!

Комментарий. Чем больше «гонорар» будет зависеть от выразительности рассказа, тем больше будет в рассказе полета фантазии. А реальная нужда, увы, редко бывает красноречива.

И это все?!

Нет, не все! Бездомным реально можно помочь.

План реальной помощи

Не имея никакой специальной квалификации, можно помочь бездомному:

- **подлечиться;**
- **восстановить связи с родными и близкими;**

- **восстановить документы;**
 - **найти временное жилье;**
 - **трудоустроиться**
- и др.**

Конечно, не все сразу. Зато уже есть человек, который может этим заняться на приходе: по благословению Святейшего Патриарха в храмах введены должности приходских социальных работников. И даже если расходы на социальную деятельность ограничатся размером зарплаты этого сотрудника, ему будет вполне по силам начать работу с обратившимся за помощью бездомным. Его главная задача в этом случае — грамотно провести **первый контакт**. Что это значит?

1. Исследование критической ситуации. **а) Опрос обратившегося.**

Подопечный должен понять, что вы никуда не спешите и готовы выслушать его правдивую, а не наспех выдуманную историю. (Некоторые рекомендации по исследованию проблем подопечных см. на с. 114–120).

Важно выяснить, насколько подопечный адекватен. Бывает, что не сразу удается выявить наличие признаков психического заболевания, когда именно оно лежит в основе критической ситуации (см. с. 101).

б) Структурирование проблемы.

Пример **неструктурированной проблемы**: «Батюшка! Помоги хоть чем-нибудь! Болею,

три дня не ел, документов нет, украли, ночевать негде, менты бьют, на работу нигде не берут, вши заели, помыться негде, обувь прохудилась...» и т.д.

Если ее **структурировать**, получится несколько проблем, исходя из которых можно выстраивать стратегию помощи:

- **медицинские проблемы:** «Болею, не ел три дня, менты бьют, вши заели». Другие проблемы, которые подопечный не озвучил, выявляются при осмотре медработником (значит, потребуется участие медиков);
- **социальные проблемы:** «Помыться негде, ночевать негде, на работу не берут, обувь прохудилась» (надо знать, где и кто эти проблемы решает);
- **юридические проблемы:** «Документов нет, украли, менты бьют, на работу не берут» (требуется участие юриста, надо искать такового);
- **психологические проблемы:** растерян, дезориентирован или напротив, агрессивен, обидчив (возможно, потребуется психолог или психиатр — надо искать);
- **духовные проблемы:** упрям, недоверчив, ни во что не верит, отчаялся, склонен к суициду (требуется участие священника и психолога).

2. Определение очередности решения проблем.

Для того, чтобы определить приоритеты в решении проблем, нужно прежде всего оценить

общее состояние бездомного. И если есть неотложные проблемы со здоровьем — они будут приоритетными.

Решение медицинских проблем

Основания для вызова «скорой помощи»

Иногда проблемы видны невооруженным взглядом (обморожение конечностей, например, или травмы). **Желательно** в случае любых жалоб на здоровье измерить температуру, давление.

Это может сделать и доброволец-медик, и сам социальный работник.

Предварительный осмотр поможет оценить степень тяжести состояния бездомного. Бывают ситуации, не терпящие отлагательства, не позволяющие проводить санобработку и амбулаторный прием, а требующие немедленного вызова бригады «скорой помощи». Есть три параметра, по которым можно такие ситуации оценить:

— **состояние сознания.** Ясное сознание — это когда больной контактен (даже если и не разговаривает по тем или иным причинам, но проявляет признаки понимания — кивает головой, смотрит на говорящего и т.п.). Состояние оглушенности разной степени характеризуется некоторой заторможенностью. Сопор — полное отсутствие контакта при сохранности реакции

на болевые раздражители. Кома — отсутствие всякой реакции на любые раздражители. Спутанное сознание — это нечто среднее между сознанием и бессознательностью: ни то, ни се. На состояние сознания, конечно, влияет употребление алкоголя. Однако не стоит думать, что если от пациента, находящегося без сознания, пахнет спиртным, то с ним все в порядке, «просто он пьяный». Во-первых, алкогольный сонор или алкогольная кома ничуть не менее опасны, чем любого другого происхождения; а во-вторых, запах отнюдь не свидетельствует о причине состояния сознания. А причиной может быть что угодно: черепно-мозговая травма, отравление психотропными препаратами, диабетическая кома и т.п.

— **Артериальное давление и частота пульса.** Измерить давление может любой человек, необязательно медик. Посчитать пульс — также. Должно настораживать низкое давление (если верхнее — ниже 80 мм рт. ст.) и пульс чаще 140 ударов в минуту. Снижение давления до 80 мм может быть при недоедании. В таком случае можно человека напоить горячим сладким чаем и повторно проконтролировать АД через 10 минут (не позже!).

— **Частота дыхания.** Дыхание — процесс частично произвольный. Поэтому, чтобы посчитать частоту дыхания, надо это делать втайне от больного. Можно смотреть на часы и взять руку

больного, делая вид, что считаете пульс, считая при этом частоту дыхательных движений. Нормальная частота — от 16 до 22 движений в минуту. До 28 в минуту — умеренная одышка. Свыше 30 движений — дыхательная недостаточность, представляющая собой угрозу для жизни.

Кроме этих ситуаций, экстренных мероприятий (а значит, вызова «скорой») требуют все кровотечения, которые не удается остановить своими силами, явные переломы, острые боли в животе (особенно у женщин) и ножевые ранения в живот, грудь, шею.

Взаимодействие с государственными лечебными учреждениями

«Скорая» обязана приехать на вызов, и врачи после осмотра, возможно, согласятся больного госпитализировать. Однако, как правило, из приемного отделения бездомного пациента тут же выставляют охранники без оформления истории болезни, а в журнале приема оформляется самопроизвольный уход с отказом от осмотра.

Чтобы этого не произошло, надо сопроводить больного до больницы, вежливо попросить врача его осмотреть и завести историю болезни, а санитаров попросить бездомного помыть. Если вы столкнетесь с немотивированным отказом — пообещать вызвать линейный контроль, и, возможно, привести обещание в исполнение. Для этого нужно набрать «03», попросить со-

единить вас с дежурным врачом оперативного отдела и сообщить, что больного, доставленного в больницу бригадой «скорой помощи», собираются выпроводить из приемного отделения **без осмотра врачом**. Также можно сообщить ту же информацию по телефону «горячей линии» департамента здравоохранения.

Если же врач, осмотрев, не находит показаний к госпитализации, спорить не стоит — поинтересуйтесь только номером истории болезни — она является свидетельством того, что врач действительно осмотрел больного и взял на себя ответственность за тактику лечебных мероприятий. Можно также попросить выдать справку. Правда, часто, даже оформив поступившего пациента, врачи вынуждают беспомощных бездомных к отказу от госпитализации разными нетактичными приемами — это надо стараться пресекать.

Чаще всего, если человек пришел за помощью сам, на своих ногах, то нужно его не госпитализировать, а просто направить ко врачу. Здесь могут возникнуть проблемы.

Где бездомным оказывают медицинскую помощь? По идее, должны везде, но это — «по идее», и не всякую помощь. Экстренную помощь обязаны оказать в любом учреждении. Однако этот принцип не соблюдается, везде вам посоветуют вызвать ту же «скорую».

В Москве бездомным гарантированно оказывают медицинскую помощь только в одном

месте: здравпункте от городской поликлиники № 5 по адресу Нижний Сусальный переулок, д. 4а, стр. 1. Предварительно больные проходят санобработку в санпропускнике по тому же адресу. Спектр возможностей по оказанию медпомощи здесь очень большой. При госпитализации по направлению этого учреждения больных принимают и лечат практически беспрекословно. Единственный недостаток — невысокая пропускная способность: около 30–35 человек в день, и огромные очереди на санобработку. Действительно серьезно больные бывают не в состоянии выстоять эту очередь. Здесь-то и возможно наше участие. Задача может состоять в оказании содействия больным средней тяжести пройти санобработку и попасть на прием в здравпункт вне общей очереди, облегчении прохождения этого пути.

Если вы живете в другом городе, вам необходимо заранее выяснить, куда можно направить бездомного на лечение, где его действительно примут. В этом вам поможет информация по учреждениям для бездомных, собранная в новом пособии серии «Азбука милосердия»: «Помощь бездомным. Справочник социального работника» И.В. Кускова, Д.Ю. Рузиной, Н.Ф. Узун²⁶.

²⁶ Издан Отделом по благотворительности и социальному служению. М.: Лепта Книга, 2013.

Проблема симуляции и аггравации²⁷

Очень часто бездомные хотят произвести впечатление тяжелых больных, которые, если не оказать им немедленной помощи, умрут у вас на руках. А с другой стороны, бывает так, что больной вроде ни на что особенно не жалуется — и спустя пару часов умирает (опять-таки у вас на руках).

Человек, оказавшийся в экстремальной ситуации, загнанный в угол жизненными обстоятельствами, как правило, готов идти практически на все, чтобы выжить. В том числе и на обман — сознательный или полубессознательный. Таким обманом могут быть симуляция (то есть имитация несуществующей болезни) или аггравация (имитация более тяжелого состояния, чем есть на самом деле). Какой может и должна быть наша позиция при подозрениях на то или другое?

Конечно же, лучше пусть вас обманут, чем человек погибнет в случае вашего небрежения. Даже опытным медикам зачастую трудно бывает разобраться, действительно человек болен или «профессионально» притворяется.

Но с другой стороны, нежелательно, чтобы вами манипулировали, ибо это помешает вам увидеть подлинные проблемы подопечного.

²⁷ Аггравация — это преувеличение больным какого-либо симптома или болезненного состояния.

Сталкиваясь с предполагаемым тяжелым состоянием, легко поддаться панике, что тоже не сослужит хорошей службы.

Все сомнения должны быть истолкованы в сторону худшего прогноза. Если они есть — надо вызывать «скорую».

Инфекционная безопасность при осмотре бездомных

Многие из тех, кто только начал помогать бездомным, испытывали чувство брезгливости, связанное со страхом заразиться каким-либо контагиозным заболеванием.

Кроме того, что мы должны из христианских соображений преодолеть естественную брезгливость, нам надо устранить ее иррациональную часть, происходящую от нашего незнания, а с другой стороны, надо знать, чего мы вправе действительно опасаться.

Педикулез. Есть, конечно, вероятность, что одно или несколько из насекомых при контакте переползет на вашу одежду. Однако, в моей практике такие случаи единичны, а через нас прошло несколько тысяч подопечных. Если все же вам «повезло», одежду достаточно постирать в воде при температуре 70 градусов. Вещи, не терпящие термической обработки, можно обработать препаратом «А-Пар». Головных вшей можно вывести препаратом «Пара-плюс». И, конечно, быть внимательным (но не бояться).

Чесотка. Надо быть внимательным к мелко-точечной сыпи на внутренних поверхностях рук и ног подопечного (она может быть и на его животе, но это редко можно обнаружить, меряя температуру или давление). Лучше контактировать в одноразовых перчатках. После контакта с такими больными свою одежду можно также постирать при 70 градусах. Если все же заболели — обратиться к дерматологу. Курс лечения обычно занимает пять дней.

Туберкулез. Надо быть внимательным к кашляющим подопечным. Работать с такими лучше в маске. Однако следует знать, что даже если произошло инфицирование, болезнь развивается не всегда. Для ее развития нужны дополнительные условия в виде ослабления общего (неспецифического) иммунитета: недостаточное питание, недосыпание, плохие бытовые условия. Следите за своим режимом питания, труда и отдыха, и этим вы существенно снизите риск заболевания. Не забывайте также регулярно раз в год проходить флюорографию.

Гепатит. При гепатите А, передающемся кишечным путем, при явной желтухе бояться нечего: вы не сможете заразиться, просто разговаривая. Чтобы в кишечник проник вирус, нужно принять зараженную воду или пищу. Остальные виды гепатита передаются только через кровь.

Только через кровь передаются также **ВИЧ** и **сифилис**. Так что от больных с вышеука-

занными заболеваниями шарахаться не стоит. А с кровью всегда нужно контактировать только в перчатках.

После контакта с больным **кишечной инфекцией** меры профилактики могут ограничиться тщательным мытьем рук.

Неприятный запах не должен пугать. Сам по себе он не представляет угрозы. Однако, отрешившись от чувства отвращения, вы по запаху зачастую сможете различить проблемы подопечного: одно дело — если от него пахнет испражнениями и другое — если у него, например, влажная гангрена стоп. Запахи в каждом случае характерны, так что нужно обращать на них внимание.

Психиатрические проблемы

Достаточно часто причиной попадания в критическую ситуацию является психическая болезнь. Выявить ее удастся не сразу. Лучше всего запоминается картина делирия, т.е. «белой горячки»: больной возбужден, дезориентирован во времени и пространстве, со страхом смотрит куда-то, шарахается неизвестно от чего. О своих галлюцинациях может ничего не говорить, считая это излишним: они для него — реальность, не подлежащая сомнению. Это состояние требует экстренной принудительной госпитализации. Но психиатрическую перевозку на улицу вызвать нельзя. Нужно отвести

больного в помещение, например, в отделение милиции, и уже оттуда сотрудник милиции делает вызов.

Бред при шизофрении протекает зачастую на фоне абсолютно ясного сознания и полной ориентации во времени, пространстве и собственной личности, при полном контакте и, в целом, сохранной логике. Если вы стали свидетелями бреда, то можете таким же образом вызвать бригаду скорой психиатрической помощи, но скорее всего показаний к недобровольной госпитализации найдено не будет, поэтому больного необходимо ориентировать на лечение, уговорить лечь подлечиться.

Это задача сверхсложная, ибо больной-то считает себя здоровым! Разубеждать человека, находящегося в бреде — не меньший бред. Но можно для убеждения его в необходимости госпитализации использовать аргументы, опирающиеся на его бредовую систему. Например: «Ты просишь защитить тебя от твоих преследователей? Мы задействуем все правоохранительные структуры, чтобы тебе помочь. Но им надо предоставить справку о твоём психическом здоровье — таков порядок, не мы его придумали. Поэтому хорошо бы тебя положить на обследование. И преследователи тебя в психбольнице не тронут. Ты согласен?» Если речь идет о бездомных психических больных — лучше их направлять на госпитализацию через

уже упомянутый здравпункт для бездомных. Если есть связи с их родственниками, надо постараться задействовать их.

Социальная работа с человеком в состоянии острого психоза невозможна. Работу можно начать только после курса лечения.

Проблемы алкогольной зависимости

Также малоэффективна социальная работа с зависимыми — алкоголиками в состоянии запоя и наркоманами в состоянии «ломки». Вся материальную помощь они могут «конвертировать» в деньги, которые потратят на предметы своей зависимости. Пожалуй, единственная просьба от этих подопечных заслуживает серьезного внимания: «Хочу лечиться!» После того, как просьба озвучена, нужно брать человека и сопровождать его по всем необходимым инстанциям на пути в наркологическую больницу.

Однако на практике это осуществить бывает непросто. Во-первых, политика руководства здравоохранением в отношении бездомных, иногородних и неидентифицированных лиц²⁸ иногда меняется, и приходится прикладывать усилия для преодоления препятствий организационного характера. Вторая сложность — это

²⁸ Люди с неустановленной личностью, гражданством, пропиской.

трудности мотивации. Несмотря на широкое распространение алкоголизма среди бездомных, желающих избавиться от этого недуга — единицы. Да и у этих единиц желание лечиться крайне неустойчиво. Если человек сегодня хочет лечиться и ему сегодня эту возможность не предоставить, завтра его уже не поймает. Ненадежной мотивацией к лечению являются уговоры. Больной начинает ставить условия (как будто это нужно не ему, а нам) и, в конечном итоге, отказывается от лечения. Вот примеры из нашей практики:

«Ко мне пришла социальный работник храма св. прор. Илии в Черкизово с рассказом о неудачной попытке госпитализации двух своих подопечных в наркологическую больницу. Подопечные Дмитрий и Людмила регулярно пребывают на территории храма, где просят милостыню и выполняют некоторые подсобные работы. Дмитрий сильно пьет. Надежда (соцработник), видимо, уговорила Диму лечиться. Дима согласился при условии, что с ним будет Людмила (которая не пьет и не является зависимой). Людмила ради этого согласилась лечь в больницу — ее уговорили. Когда был оформлен талон на госпитализацию в Департаменте здравоохранения, Дима сказал, что они поедут в больницу своим ходом, так как ему нужно заехать в храм «попрощаться» и взять некоторые свои вещи. Это я расценил,

как «поиск лазейки», поэтому дал команду группе сопровождения заехать вместе с подопечными в храм, и оттуда — в больницу. Оба подопечных были госпитализированы, и оба в тот же день ушли из больницы.

Я порекомендовал Надежде оставить подопечных в покое и не уговаривать их».

«Двоих подопечных — мужчину по имени Сергей и женщину (пожилую) по имени Элла мы госпитализировали в один день. В этот день они успели «подружиться» и, выписавшись в один день (скорее всего, по обоюдной договоренности), сразу «отметили» это событие. Здесь наша явная ошибка: такие «дружественные» союзы алкоголиков нужно сразу разрушать безжалостно. Вообще же оптимально госпитализировать поодиночке. Мы им отказали в дальнейшей помощи».

Проблема работы с алкоголиками во многом — проблема их мотивации к выздоровлению. Но это — отдельная тема, по которой есть достаточно специальной литературы.

Угроза самоубийства

Такие угрозы звучат нередко и требуют серьезного к себе отношения. Фраза, высказанная в контексте эмоционального запала, должна вызывать самую жесткую реакцию: «Ты чего? В психбольницу захотел?! Сейчас отправим!»

Если произошла даже демонстративная попытка (например, порез предплечья), нужно вызывать «скорую» и милицию (в ожидании которых подопечного даже можно связать). Суицидальные тенденции — психическое состояние, требующее принудительной госпитализации.

Комплексный подход и разработка контактов

Если обратившийся к вам бездомный — в относительно удовлетворительном состоянии, нужно:

1) направить его на санобработку (все контакты нужно выяснить заранее) и предложить консультацию врачей (даже если нет активного запроса со стороны бездомного. Эта консультация может быть полезна при разработке дальнейшей тактики. Для этого нужны контакты с врачами).

Далее заниматься решением социальных проблем бездомного нужно в следующем порядке:

2) восстановление связи с родственниками, если они есть;

3) если родных нет, подумать о временном жилье;

4) помочь восстановить документы;

5) помочь в трудоустройстве;

6) для разрешения духовных и психологических проблем направить, например,

к священнику вашего храма (заранее его предупредив).

Итак, проблемы у людей бывают одновременно медицинские, юридические, социальные, психологические, духовные. Одни влекут за собой другие, и бывает трудно определить, что первично, что вторично. Гадать в таком случае не надо, надо решать одновременно с разных сторон. Чтобы распутать этот клубок проблем, нужен не один специалист. Но «специалист подобен флюсу — его полнота односторонняя», как сказал Козьма Прутков. Специалист не возьмет на себя заботу о человеке как таковом. Как, например, любят говорить врачи-специалисты — «это не наш пациент», «нашего тут ничего нет». Должен быть координатор (тот же социальный работник), который занимался бы самим подопечным: правильно диагностировал бы проблемы (сам или с помощью консультантов) и разрабатывал бы контакты с нужными специалистами. Разрабатывать контакты — это нелегкая, но выполнимая и абсолютно необходимая задача. Кроме специалистов, нужны контакты с родственными организациями, обмен опытом.

Комплексный подход дает хорошие результаты, хотя занимает достаточно много времени. О результате такой работы можно говорить через несколько лет. Но должен ли ставиться вопрос о времени, когда речь идет о человеческой

судьбе? Например, мы несколько лет занимаемся проблемами Нины М., бездомной женщины пенсионного возраста. Сколько разных вариантов испробовали! Подход был комплексный: Нина была пролечена в ЦКБ свт. Алексия, где у нее найден инсулинозависимый сахарный диабет, назначено лечение, как впоследствии выяснилось, неправильно, затем оно было скорректировано. Было рассмотрено несколько вариантов ее устройства на постоянное место жительства — нигде ей не пришлось по душе. Удалось ее пристроить только во Владимирский реабилитационный центр, где она и прижилась. Восстановлены документы, женщина готовится к переводу в пансионат в г. Ковров.

Андрей С. был пролечен в Психиатрической клинической больнице № 1 им. Н.А. Алексеева от алкоголизма, ему восстановлены документы. После лечения Андрей ходил на амбулаторную реабилитационную общину (амбулаторное ведение было возможно, т.к. у Андрея была возможность проживания в Доме ночного пребывания), но эта программа оказалась для него не вполне эффективной: едва не произошел рецидив. Вовремя предотвратили, направив на исповедь, подобрав священника. Тот посоветовал стационарную программу, и Андрей сейчас — в обители «ТИЛЬ».

Есть и другие примеры осуществляемого нами комплексного подхода. Конечно, одинокому

социальному работнику на приходе трудно заниматься подопечными комплексно. Но речь как раз идет о том, чтобы преодолеть «одинокость» приходского социального работника. Еще раз повторяю: нужны контакты с родственными организациями. Очень важно знать, что ты в своей работе не одинок, и держать связь с людьми, организациями, движениями, занимающимися проблемами, подобными тем, которыми занимаешься ты.

Индивидуальное сопровождение

Итак, мы нашли нужного специалиста и направляем к нему подопечного. Каким образом? Путем простого сообщения адреса? Этот вариант — не самый лучший (см. с. 87). Тогда как лучше поступить? Организовать сопровождение подопечного. Пусть тот же соцработник или его помощник вместо того, чтобы «посылать», проводит по нужному адресу и передаст «с рук на руки». Это не требует особых затрат, не требует опыта работы. Это могут делать добровольцы. А эффективность работы возрастет нелинейно. Пример: в прошлые годы к нам обращались люди с просьбой помочь бросить пить. Мы их направляли в здравпункт для бездомных, дальше их путь лежал в Департамент здравоохранения г. Москвы для получения направления («розовый бланк») в наркологиче-

скую больницу и далее — уже в саму больницу. Все эти инстанции друг от друга отстоят достаточно далеко, везде могут возникнуть препятствия, связанные с человеческим фактором (например, не прошел фейс-контроль у охраны на том или ином этапе). В результате — едва ли двое из нескольких десятков подопечных в течение четырех лет достигли места назначения. После того как мы организовали сопровождение наркологических больных, уже около сотни наших подопечных получили необходимую помощь.

Таким образом, путь к решению проблемы ресоциализации людей, оказавшихся по разным причинам на улице, лежит, на наш взгляд, через кропотливую работу, основанную на индивидуальном подходе, комплексном решении их проблем и индивидуальном сопровождении.

К сожалению, не всегда получается (в большинстве случаев — не получается) решить все проблемы одного человека. Например, нам удалось пристроить больного бездомного в стационар, но оттуда он по выздоровлении или улучшении исчезает. Невозможность сделать все не должна нас расхолаживать. Нужно помогать, чем можем, согласно «программе минимум», всегда имея в виду и более полный объем помощи. Неудачи должны стимулировать к поиску новых путей решения сложных проблем.

О денежных просьбах

Т.к. это наиболее частотные просьбы, нужно остановиться на них подробно.

Как исключить обман

Это крайне сложно. Полагаясь на свой опыт или интуицию, обязательно ошибешься. Профессиональные обманщики, да и просто неглупые люди, попавшие в трудную ситуацию, при необходимости обведут вокруг пальца даже спецслужбу. Выход один: разговор нужно вести так, чтобы нашему подопечному стало неинтересно нас обманывать.

Самый надежный из возможных способов — это оказание конкретной неденежной помощи. Обосновывая свои просьбы, люди, как правило, рассказывают о какой-то серьезной проблеме, нуждающейся в разрешении. И если нам рассказали о некоей проблеме, естественно, мы вправе считать, что собеседник ждет от нас помощи в разрешении **именно этой** проблемы. А способ разрешения ее, надо полагать, представлен на наше усмотрение.

Попробуем начать применять это правило. Маленький совет: всегда нужно давать подопечному путь к отступлению. Если, например, человек говорит, что у него нет денег на дорогу, не стоит тут же покупать ему билет. Скажите, например, что купите ему билет, но сейчас вы заняты, освободитесь через пару часов. Можете

вскользь упомянуть, что билет отдадите проводнику, а не этому человеку. Конечно, нужно спросить его, согласен ли он с таким вариантом решения его проблемы.

***Почему бездомные предпочитают
получать помощь деньгами***

Применение этого правила позволит отсеять значительное количество просителей. Может быть, даже очень значительное. И даже таких просителей, в которых мы были абсолютно уверены. И вдруг окажется, что вокруг столько обманщиков, что никому и верить-то нельзя! Но не будем торопиться с выводами.

Даже если подопечные нас обманывают, мы не должны относиться к ним хуже. Люди идут на обман не от хорошей жизни. И главное: если человек отказался или уклонился от помощи вещами, это еще не повод подозревать его в мошенничестве — большинство людей, просящих о помощи, предпочитают получать помощь деньгами.

Например, обратился к нам голодный человек с просьбой его накормить. Мы пошли в магазин и купили ему пирожок или курицу гриль. А у него, допустим, — хронический холецистопанкреатит. Он нас проклинает, так как остался голодным, а мы сердимся: «Скажите, какой привередливый!» Да и деньги потрачены впустую. Или человек жалуется на то, что обувь

прохудилась, а новую купить не на что. Спрашиваем размер и покупаем. Но... ботинки жмут в подъеме и пятку натирают — просто у него необычная форма стопы, о чем мы, естественно, не догадывались.

Дареному коню в зубы не смотрят, конечно, но разве можно считать, что в вышеуказанных случаях мы помогли? Зато не дали себя обмануть и очень гордимся своей рассудительностью! Поэтому-то и большинство просителей к помощи вещами относятся с предубеждением: «обязательно дадут или не то, что нужно, или не столько, сколько нужно, да еще и руки им целуй! Дали бы лучше денег, я ведь просил пятьсот рублей всего, а они потратили полторы тысячи, а толку-то?» Мы можем отнестись к этому ворчанию как к черной неблагодарности, но грош нам, христианам, цена, если единственным или главным мотивом нашей деятельности является ожидание благодарности.

***Почему все-таки не стоит оказывать
денежную помощь***

Так может быть, все-таки давать деньги, если это реальная помощь, и Бог с ними, с обманщиками? Нам это, конечно, проще. А нуждающимся? Дело в том, что даже честным просителям денежная помощь впрок никогда — или почти никогда — не идет. Уже то, что человек обращается с просьбой, свидетельствует о том,

что сам он с возникшей ситуацией не справляется.

Например, человека ограбили или он потерял деньги, отложенные на дорогу. Он примерно знает, сколько стоит билет до его станции. Мы даем ему необходимую сумму. Но в кассе билетов в плацкартный вагон не осталось, а на купейный билет денег не хватает. И человек опять «завис» на вокзале. Деньги, которые мы ему дали, он если и не пропьет, то быстро проест. И опять приходит просить. Мы на него сердимся: «Он нас обманул!», и напрасно: мы изначально стали действовать неправильно.

В таких случаях мы должны вмешаться в эту ситуацию, но вмешаться умело и тактично. Вмешательство сродни вмешательству врача. А дать денег немногим лучше, чем дать «добрый совет»: просящий, как правило, ни тем, ни другим воспользоваться не сумеет.

Как строить контакт, если просят денег

Начинать всегда необходимо с исследования проблемы. Первую информацию мы всегда получаем от самого человека. Но почему-то главный вопрос, возникающий у нас, когда мы слушаем рассказ подопечного: «врет или не врет?». Такое отношение основано на том, что мы мыслим полярными категориями, не допускающими оттенков или полутонов. И таким подходом мы зачастую отталкиваем людей,

действительно нуждающихся в помощи. Человек уходит от нас, оскорбленный недоверием, а мы полагаем, что «на воре шапка горит».

Целью критического отношения к истории, рассказанной подопечным, является не выведение на чистую воду обманщика, а правильное понимание сложившейся ситуации. Искажение информации далеко не всегда является следствием злонамеренной лжи. Человек может искренне ошибаться, односторонне оценивать события, что-то недоговаривать (и он имеет на это право), не придавать значения чему-то с нашей точки зрения важному. Необходимо четко представлять себе причины того, почему человек может исказить информацию. О том, как отсечь главный мотив ко лжи, я уже говорил выше. Могу лишь добавить, как это можно объяснить подопечному, чтобы у того не было «официального» повода обижаться. Вот один из примеров.

Мужчина просит денег на лекарства. Спрашиваю: какие лекарства нужны?

— От головы.

— Как называются?

— Я точно не помню.

— А как ты их будешь покупать, если не помнишь?

Видно было, что парень не подготовился и начинает импровизировать:

— Я лежу в больнице. Лекарства мне покупает медсестра, она знает, что нужно.

Совершенно глупая, «шитая белыми нитками» история. Что делать? Сказать просителю: «Иди отсюда! Научись врать сначала!»? Это допустимо, если будет сказано с отеческой любовью, со скорбью за врунишку, а не с торжеством: «Ага, попался!» Но не будем себе льстить: не получится у нас первой интонации, а наверняка выйдет второй вариант, и тогда человек уйдет озлобленным, а главное — получится, что мы отказали человеку в помощи, мотивировав свой отказ недоверием, как будто блюдем какие-то свои интересы. В то время как главный наш интерес — помочь человеку. И тогда ответ нашему просителю будет таким:

— Да ты что, в своем уме? А если эта медсестра тебя отравит? Или кладет твои деньги себе в карман, а тебе покупает дешевые лекарства, которые не помогают? Немедленно уточни у лечащего врача название препарата и приходи к нам, мы тебе все купим.

Но если главный «корыстный» мотив отсечен, а достоверность рассказа человека вызывает сомнения, то надо понять, почему? Самая распространенная ситуация: подопечный нам просто не доверяет. А мы часто доверяем незнакомым людям? Так что настороженность просителя вполне естественна. Нужно ломать эту стену, и у нас имеется очень важный аргумент. Мы говорим: «Слушай! Твой рассказ — это детский лепет какой-то! Мы ведь не в мили-

ции: ты же сам пришел и просишь помощи, а не я к тебе. Если ты не доверяешь мне, то зачем обратился?» — и дальше объясняем, что именно в его рассказе вызывает у нас сомнения.

Иногда сомнения возникают из-за недопонимания. Обратился ко мне мужчина лет 40 с просьбой приютить его в Москве на месяц. Спрашиваю: «С какой целью ты приехал в Москву?» Говорит, что приехал из Краснодарского края вместе с ветераном Великой Отечественной войны в госпиталь для ветеранов. Спрашиваю: «В госпиталь удалось человека устроить?» — «Удалось», — говорит. Долго пытаюсь понять, кто его отправил в такую поездку и почему не обеспечил жильем, и еще: зачем ему задерживаться в Москве на месяц? Ну, уехал бы обратно и приехал бы к выписке. Нет, ему почему-то надо каждый день навещать этого человека. Выяснилось, что больной в уходе не нуждается. Я попытался понять, зачем тогда его здесь караулить? Стал расспрашивать — тот обижается: «Вы, вроде, батюшка, а рассуждаете, как чиновник!» Я начал закипать: «Мне кажется, у тебя с головой не все в порядке: в Москве без крыши над головой тебя или ограбят, или убьют, или продадут в рабство, и все из-за твоей глупости! Зачем тебе каждый день навещать этого человека? Что это ЕМУ даст? Ты что — придешь, погладишь его по головке и уйдешь? Какой ему от этого толк?» Тот в ответ: «Ну а вы

бы как поступили, если бы ваша мать заболела?» Я опешил: «Так это твоя мать?» — «Да».

Обращаясь в различные инстанции и говоря там о своей матери, человек настолько привык упираться на ее статус ветерана, что в разговоре со мной просто забыл сказать о том, что речь идет о его маме, самом дорогом для него человеке. Все стало на свои места, мы устроили его в недорогое сетевое общежитие, где он дождался выписки матери, и они вернулись домой.

Расспрашивая человека, можно мысленно расположить рассказанное им вдоль временной оси, и как бы заполнить «белые пятна», оставшиеся после рассказа. Очень важно узнать о каждом отрезке жизни подопечного. Выслушивая рассказ о каждом событии, можно поинтересоваться подробностями. Можно попросить рассказать одну и ту же историю дважды и сравнить оба варианта. Если подробности не совпадают, можно задать вопрос: «Почему?» Иногда у собеседника это вызывает раздражение: «Для чего вы меня так подробно расспрашиваете? Вы что, мне не верите?!» На это есть простой ответ: «Я думаю, как тебе помочь, и здесь важна каждая мелочь».

Бескорыстная ложь

Когда слышишь рассказ, место которому в сборнике «Приключения барона Мюнхгаузена», невольно задаешься вопросом: а насколько этот

человек психически здоров? Необходимо побеседовать с ним подольше, выяснить все поподробнее. Психические больные люди, как правило, знают свой диагноз и готовы рассказать о своей болезни. Но к содержанию своего бреда в настоящем они относятся не критично и не увязывают его со своей болезнью.

Чаще бывает так, что ваш собеседник не только не блещет фантазией, а, наоборот, «скромничает». Таков, например, наш старый подопечный — Виталий Б. Из истории его жизни мы знали только то, что он побывал в местах не столь отдаленных, и что у него сочетанная травма — перелом костей таза с повреждением тазовых органов. Но нам были неизвестны подробности. На вопрос, за что сидел, Виталий называл статью УК, по поводу травмы говорил, что попал в автомобильную аварию. И только недавно нам удалось узнать, что с ним произошло на самом деле.

В тюрьму Виталий попал за то, что, застав свою жену с любовником, навел на них двустволку и заставил выпрыгнуть из окна третьего этажа в том виде, в котором застал. Травму же нанесла ему жена, когда он вышел на свободу. Подговорив своего любовника, она набросилась на Виталия и жестоко избила его.

Эта ужасная история отчасти объясняет феномен «бескорыстного вранья». Люди не хотят выставлять такие подробности своей жизни на

всеобщее обозрение, они с радостью сами забыли бы о мучительном прошлом, им трудно с этим жить. И не стоит удивляться, если подопечный не сразу решается на откровенный разговор и отделяется наспех придуманной, не выдерживающей никакой критики историей. Вызывает большее удивление ситуация, когда человек сразу все рассказывает; подвоха стоит опасаться, скорее, именно тогда, когда все выглядит «складно».

Вообще же лучше не искать подвоха, а просто быть внимательным к людям, главным образом, думая об их пользе. Этот подход — практически беспроигрышный.

Ошибки в работе. Анализ реальной ситуации

В качестве иллюстрации к вышесказанному разберем случай, происшедший с читательницей сайта «Милосердие.ru»:

«Здравствуйте. Хочу рассказать о своем опыте помощи бездомному, т.к. не могу оценить, положительный он, или отрицательный.

Примерно месяц назад, когда я возвращалась из храма, ко мне подошел человек и стал просить: помогите. Достала 100 руб., подала (милостыня не маленькая). Но он не отходил, говорит: мне деньги не нужны, а нужна помощь, все помогают только словами, а деньги у меня есть (показывает), но не хватает на

билет, а заработать без паспорта не могу. И рассказывает историю: зовут Анатолий, сам из города Шахты Ростовской области, приехал в Москву за легкими деньгами, связался с бандитами, но они обманули, документы отняли, и «домой поехать не могу — меня там бандиты убьют, а хочу ехать к сестре в Новосибирск, она обещала помочь с паспортом. А получу паспорт — пойду работать, я проводник, и место есть, только паспорт нужен».

Поверила: всякое случается с людьми, вот человек, у которого есть реальный шанс встать на ноги и начать новую жизнь, а в Москве действительно помощи не найдешь. Дала телефон, вечером встретила и дала ему недостающие деньги на билет в Новосибирск. Только, говорю, как же ты билет купишь без паспорта? — А у меня есть хороший знакомый, Валера зовут, он мне сделает справку об утере паспорта, по ней и поеду. Ну, и слава Богу.

Поздно вечером звонит: у меня все плохо, сестра отказала, сказала — не приезжай. Но этот знакомый Валера обещал сделать паспорт, только нужно еще денег.

Денег он просил много — около 1000 долларов. Говорил — помоги, дай в долг, у меня ведь в Москве никого нет, родители бедные, прислать ничего не могут, а я выйду на работу и сразу начну возвращать, верь мне, ведь Бог все видит. Поверила еще раз, отдала всю зарплату и еще заняла.

На следующий день звонок: паспорт получил и военный билет тоже, а еще у меня будет загранпаспорт, знакомый Валера сделает. Я говорю — зачем тебе загранпаспорт, почему ты не пошел сразу оформляться на работу, как обещал? Отвечает: «А у меня с загранпаспортом зарплата будет больше, буду ездить за границу и долг тебе весь сразу смогу отдать. Но на загранпаспорт Валера потребовал еще 1000 долларов, а паспорт забрал в залог, пока не получит денег. Помоги мне еще раз!»

Больше помочь я уже не смогла: отдав зарплату, сама жила на заемные деньги. Анатолий звонил, плакал в трубку, говорил, что болен, спит на улице, голоден, а я — такая-сякая — сплю в кроватке и не голодаю, а ему помочь не хочу; заклинал и мамой, и Господом, и святыми. Чего я только не наслушалась за эту неделю! А он умудрился найти по знакомым 800 долларов, и ему оставалось только 200, но и этого я дать не могла.

Тут вдруг нашлась другая сестра Анатолия, из Ростова. Она прилетела в Москву и привезла ему 1000 долларов, отложенных «на черный день». Анатолий позвонил мне радостный и рассказал об этом. (Видимо, он все-таки говорил правду о своих бедах, а не пытался «развести» меня, наивную, на деньги). На следующий день он должен был встретиться с тем Валерой, отдать ему деньги и получить свои

документы. Все перекрестились и утерли пот со лба. И вот на следующий день он мне звонит и сообщает, что деньги, которые привезла сестра, у него украли. По счастью, те \$800, которые он собрал ранее, остались, т.к. были на сохранении у священника одного храма. И ему по-прежнему нужны \$200, и все уговоры и моральный шантаж начались сначала.

Так прошли еще две недели. Анатолий нашел еще \$100, я к тому времени получила следующую зарплату. Я дала ему недостающие \$100, и теперь у него была собрана необходимая сумма (\$1000) на документы. Я сказала ему, чтобы больше не звонил, а прислал сообщение, когда устроится на работу, и только после этого сообщения я буду ему отвечать по телефону. Сообщения он не прислал, а через пару дней начал звонить. Я больше не отвечала, т.к. поняла по этим звонкам, что у него опять ничего не получилось и он по-прежнему бездомный.

Вот что получилось из желания помочь бездомному человеку. Он так и остался на улице, я осталась с кучей долгов, моя семья живет в режиме жесткой экономии, т.к. зарплаты и раньше хватало только на необходимое, а теперь еще и долги надо отдавать. Денег не жалко, а жалко и обидно, что они потрачены совершенно впустую. Наверное, все же не нужно было давать денег этому человеку,

ведь он их потратил на «левые» документы, на взятки, а это не тот путь, который угоден Господу. И получилось, что доброго дела я не сделала и человеку не помогла.

Извините за длинное письмо, просто очень хотела поделиться с кем-нибудь, но не со знакомыми. Уверена, что никто меня не поймет, а только осудит за глупость».

Я не готов «осудить за глупость» автора этого письма. Она проявила самоотверженное сострадание к ближнему и остановилась лишь тогда, когда поняла, что помощь — не впрок. При этом совершенно очевидно, что женщина допустила очень показательные ошибки:

— необходимо было сразу дать понять, что наличных Анатолий не получит, но билет мы ему купить можем (а в случае выражения неудовольствия со стороны последнего — напомнить: он ведь и сам сказал: деньги не нужны, нужна помощь). Можно было бы даже не вносить «недостающее», а потратиться на всю стоимость билета (все равно в результате расходы оказались значительно выше, чем предполагалось вначале).

— Не следовало давать личный телефон, можно было бы договориться об ином способе связи. Например, назначить встречу в храме или дать служебный телефон.

— Нужно было сразу поинтересоваться документами. Анатолий сказал, что его знакомый

Валера готов сделать справку об утере. Надо было подробно расспросить об этом Валере, спросить его данные, созвониться с ним и подтвердить его готовность оформить эту справку для Анатолия. Покупку билета можно было обещать Анатолию при условии предоставления им уже готовой справки.

— Не лишне было бы поинтересоваться телефоном сестры из Новосибирска. Если бы наличие сестры подтвердилось, следовало созвониться с ней и подтвердить ее готовность принять Анатолия.

Конечно, такой подход требует не только внимательности, но и опытности. Если бы наша читательница произвела эти действия, дальнейшего развития этой истории могло не быть. Помощь же без рассуждения спровоцировала подопечного на дальнейшие просьбы — уже явно мошеннического характера. Например, фантастическая ситуация с восстановлением паспорта за один день: сделать это нереально ни за какие деньги. Когда прозвучала такая просьба, следовало спросить: дорогой Анатолий, а почему ты думаешь, что твой знакомый Валера тебя не обманет? Насколько ты его хорошо знаешь? Ты ведь уже имеешь печальный опыт общения с бандитами, он тебе дорого обошелся, зачем наступать на эти грабли дважды? Если даже и будет паспорт, какова вероятность, что он не окажется поддельным? Я хочу тебе

помочь, а не посадить тебя в тюрьму! Давай попробуем как-нибудь по-другому решить твои проблемы.

Данные ошибки, допущенные женщиной, — тактические. Однако была и более крупная — стратегическая. Прежде чем оказывать помощь на такую сумму, не лишним было бы посоветоваться с духовником или внушающим доверие священником и испросить благословение на это доброе дело. А вообще — я категорически не рекомендовал бы «любителям добрых дел» действовать в одиночку, всегда должен быть кто-то рядом, кто и посоветует, и отсоветует, иначе — враг всегда будет препятствовать и строить козни, чтобы самые благие намерения обратились бы в ничто или привели на дно ада. Надо трезво оценивать свои возможности. Кстати, иногда неплохо почувствовать свою беспомощность — это мобилизует нравственные ресурсы. Для того, чтобы помочь человеку, оказавшемуся в беде, надо войти в его положение. А как оттуда выйти? Чтобы спасти тонущего, надо уметь плавать за двоих, иначе он и нас на дно утянет.

Итак, как поступать в подобной ситуации? Собрав максимум информации от человека, и, ничего не обещая заранее, взять «тайм-аут», сказав «я подумаю, как вам помочь» или «где мне вас найти в следующий раз?». Далее, испросив благословение духовника, и посоветовав-

шись с опытными людьми, принимать решение. Возможно, если вам отсоветуют, и отказать.

Разбираться в сложной жизненной ситуации должны люди с опытом. Работа по оказанию помощи должна быть хорошо организована. А один в поле не воин. Надо приучать себя к той мысли, что мы не всем можем помочь. И со-страдать. Жить с этой болью.

Вопрос «верить или не верить просящему» можно сформулировать иначе: верить или не верить самому себе? По отношению к себе нужно быть бдительным, трезвым, стремиться отдавать себе отчет в мотивах своих действий и пределах своих возможностей. Если мы эту задачу выполняем успешно, обмануть нас будет затруднительно. По отношению же к нашим ближним нам необходимо быть, прежде всего, внимательными.

Глава 4

Вернуться в общество или покаяться? или Немного о ресоциализации

Мучительный вопрос

Общаясь по роду своей деятельности с представителями городских служб, прессы, общества, в том числе, церковного, я постоянно слышу один и тот же вопрос: «Вы работаете с бездомными. А как вы полагаете, есть ли у этих людей перспектива вернуться к нормальной жизни? И что, по-вашему, для этого необходимо?» Этот вопрос задается в разных формах, звучит в разных интонациях, часто как риторический, подразумевающий однозначный неблагоприятный прогноз. Но чаще с робкой надеждой: а вдруг сейчас будет изложена гениальная программа реабилитации социально исключенных людей?

Да и каждый человек, общавшийся с бездомными по роду своей деятельности, не раз задавал себе вопросы: «А что дальше? Не напрасно ли это все? Сегодня мы этому человеку поможем, а что с ним будет завтра? Вот если бы его вернуть в русло цивилизации!»

Прежде чем пытаться отвечать на эти вопросы, нужно разобраться в терминах: что понимать под ресоциализацией и возвратом к норме? Вероятно, возвращение некогда социально исключенного человека к полноценной общественной жизни, подразумевающей семейную жизнь, работу, включенность в экономическую и культурную жизнь, ответственные взаимоотношения с окружающими и проч.

Когда меня спрашивают, сколько людей из моих подопечных «вернулось к нормальной жизни», я отвечаю уклончиво: мне известны такие случаи, и, бывало, я принимал в них участие. Но если мои собеседники имеют в виду некую технологию ресоциализации, я рискую разочаровать любопытных: такой технологии, видимо, нет и быть не может.

Я хотел бы даже воззвать к неискушенным читателям — не беритесь за это дело, оно вам не по зубам. Это — ручная работа, а не конвейер. Смысл данной главы — не в том, чтобы рассказать, как надо ресоциализировать бездомных, а скорее, наоборот, предостеречь от чрезмерного энтузиазма и рассказать, как не

надо делать. При этом мне совсем не хочется настраивать читателей пессимистически, так что обозначу пунктиром некоторые перспективы, внушающие надежду.

Выше мы говорили, что у бездомных, вследствие их длительного пребывания на улице страдают такие необходимые качества, как рабочая квалификация, гигиенические навыки, притупляется чувство ответственности и проч., а также возникает некая протестная социальная стратегия. Но при этом неизменно сохраняется нравственное лицо, сердцевина человека. Если это осталось, то остальное возможно восстановить. Только чрезвычайно важно разделять в человеке нравственное и социальное. К сожалению, эти категории часто неправомерно смешивают.

Однажды я отвечал на письмо читательницы сайта «Милосердие.ru», где она спрашивала: «Сколько человек покаялось и сменило свою жизнь на трудовые будни?» Я ответил ей, что говорить о покаянии можно, только зная, в чем состоит грех человека. На одном семинаре с духовенством московского благочиния я обронил фразу, что некоторым бездомным помочь вернуться в общество практически невозможно. Мне сделали замечание: «Нельзя так говорить, ибо спастись дано всем и каждому». Так спастись или вернуться в общество?

Бездомность — это грех?

Достаточно часто приходится слышать, как верующие люди отождествляют состояние бездомности с грехом, даже священники призывают бездомных к «изменению образа жизни» (что бывает невозможно даже при большом желании — в связи с целым комплексом сложных проблем в жизни бездомного, о чем см. в предыдущих главах) и ставят знак равенства между ресоциализацией и освобождением от греха, между грехом и асоциальностью.

Чтобы увидеть неправомерность этого отождествления, полезно вспомнить, что бездомными были и некоторые святые. Юродивые, например. Их бездомность была следствием свободного выбора, а не случайного стечения обстоятельств. А их поведение вполне имеет право быть названным «девиантным», то есть отклоняющимся от общепринятых стандартов.

Конечно, сравнение юродивых с бездомными — условное, т.к. жизнь среднестатистического бомжа полна неприглядных с нравственной и эстетической точки зрения явлений: пьянство, сквернословие, вранье, мелкие и более крупные кражи, беспорядочная сексуальная жизнь, свары и склоки и т.п. — что это, как не грех?

И тем не менее, не все так просто. В греческом языке понятие греха обозначено словом *ἁμαρτία*, что буквально означает — промах,

ошибка. Таким образом, понятие греха — глубже, чем просто «плохой поступок» или «дурная привычка»: это — уклонение от назначенной цели, ошибка в чем-то главном, стратегический просчет. Человек ошибся в чем-то главном, в самом понимании своей жизни. Результат — падение в грязь, в том числе и нравственную. Но эта грязь — результат греха, а не основное его содержание.

Возьмем, к примеру, пьянство (ибо наличие бездомности во многом обусловлено этой проблемой). Часто священникам приходится слышать на исповеди признание: «Батюшка! Я пью...» Один из старых священников, ныне покойный, слыша это, сострадательно иронизировал: «Как же так? Ведь никто у нас в России не пьет, а вы?!», а затем уже объяснял: пьянство — это симптом, а нам нужен корень зла, и давайте его искать. Вот выдержка из программной книги сообщества «Анонимные алкоголики»:

«Природа не напрасно наделила нас инстинктами. Без них мы не были бы людьми в полной мере. Если бы мужчины и женщины не делали усилий, чтобы обрести уверенность в себе, чтобы добыть пищу и построить жилище, они не смогли бы выжить. Если бы они не рожали детей, земля не была бы населена. Если бы не было социального инстинкта, если бы люди не стремились к общению друг с другом, не было бы человеческого

общества... Однако эти инстинкты, столь необходимые для нашего существования, часто превосходят свои нормальные функции. Властно, слепо, а порой весьма искусно они управляют нами, увлекают нас, подчиняют себе и настойчиво пытаются руководить нашей жизнью. Наши стремления к сексуальным отношениям, к материальному благополучию и эмоциональной защищенности, к высокому положению в обществе часто тиранят нас, являясь причиной практически всех неприятностей. Инстинкты, эти естественные дары человека, превращаются в бремя и ведут к физическим и психическим отклонениям. Алкоголикам особенно важно суметь понять, что неуправляемые инстинкты являются глубинной причиной их разрушительного пьянства. Мы пили, чтобы заглушить чувство страха, разочарования и депрессии. Мы пили, чтобы заглушить ощущение вины, вызванное страстями, а потом снова пили, делая возможным возникновение новых страстей²⁹».

Итак, программа «12 шагов» рассматривает пьянство не как самостоятельный грех, а выводит его из греховно искаженной личности алкоголика, и в качестве лечения алкоголизма предлагает перемену нравственных установок,

²⁹ Двенадцать шагов и двенадцать традиций / Alcoholics Anonymous World Services Inc. — Нью-Йорк, 1989.

то есть покаяние, а не только отказ от алкоголя. С этим согласны и православные оппоненты программы «12 шагов». Так, наиболее категоричный противник этой программы иг. Анатолий (Берестов) говорит об «эффекте отмычки», наступающем после Таинства Покаяния, когда пациент исповедуется за всю жизнь: после этого, по утверждению о. Анатолия, у многих тяга чудесным образом исчезает. Другие асоциальные проявления бездомного человека также являются лишь симптомами (исчезающими с исчезновением болезни), а не самостоятельными грехами, в которых надлежало бы каяться. Грех лежит глубже, и не всегда очевидна его связь с нынешним состоянием человека.

Есть и другой аспект понятия «грех». Так называемая «органическая» теория искупления, которой отдают предпочтение подавляющее большинство православных богословов, сравнивает грех с болезнью, проводит параллели между этими понятиями. Этому есть основание в Евангелии: *«Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во врачах, но больные <...> Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию»* (Мф. 9, 12–13). Но о каких «праведниках», не нуждающихся в покаянии, говорит Господь? Их, по-видимому, просто нет. Священник в конце Литургии после Причастия погружает частицы, вынимавшиеся на Проскомидии, в Чашу, произнося молитву:

«Омый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоей честною, молитвами святых Твоих!»³⁰ А «поминавшиеся зде» включают в себя не только живых и усопших наших сродников, но и прославленных святых, и даже Пресвятую Богородицу.³¹ У всех — грехи, нуждающиеся в ежедневном умолении.

Итак, праведников просто нет! А «здоровые» есть? Тоже нет. Как говорят врачи: нет здоровых, есть недообследованные. И Господь, произнося известную фразу (в известном контексте), как бы утверждает, что праведность, как и здоровье в нашем падшем мире, — кажущаяся реальность. И при этом святость — норма жизни, как и здоровье. Не «средняя греховность», к которой мы привыкли, не теплохладность и «недообследованность», а святость.

Мне могут указать на противоречие: нет ни одного святого — и святость как норма. Если под праведностью понимать свободу от грехов или изобилие личных добродетелей, то такая праведность сродни скрытой под маской «практического здоровья» болезни. А святость как норма жизни не исчисляется ни наличием добродетелей, ни отсутствием грехов. Это — векторная величина, главное в ней — направление воли к Богу. Ведь какие-то «святые» упо-

³⁰ Службник. Последование Литургии.

³¹ Там же. Чин Проскомидии.

минаются и в приведенной выше молитве при окончании Литургии. Кто это? Можно, конечно, подумать, что речь идет о канонизированных святых, которые также поминались на проскомидии. Но, скорее всего, это — мы, грешные. Мы, участники Литургии, к которым обращен возглас: «Святая — святым!». Мы, причастники, на этот короткий момент становимся святыми, хотя и добродетелей у нас минимум, и грехов — хоть отбавляй. Но мы свою волю в данный момент направили к Богу, и потому — святые.

Так и среди бездомных есть люди (я знаю их лично), прошедшие суровые испытания и приблизившиеся к состоянию святости. Говорить о них я не рискую, поскольку, пока они живы, все еще может перемениться.

«Декомпенсированные грешники»

В медицине есть понятия компенсации и декомпенсации болезни. Компенсация — это состояние, при котором организм самостоятельно вырабатывает механизмы, позволяющие преодолевать тот или иной сбой в работе «системы» без внешней помощи, так что сам сбой остается для человека незамеченным. Человек чувствует себя вполне самостоятельным, не нуждающимся в докторе, относится к ним пренебрежительно. Но это не значит, что человек здоров. В один прекрасный день «систем-

ных ошибок» накопится столько, что организм перестанет самостоятельно справляться и болезнь даст о себе знать.

По-другому ведут себя тяжелые больные. Я не раз видел, с какой радостью и надеждой они смотрят на врача, проецируя на него чувства к Единому Врачу душ и телес.

Точно также и с грехами. Как бы ни были велики грехи человека, но пока они не достигли некой «критической массы», человек живет с ощущением, что «все в порядке» и Бог пока не нужен. Такой человек может позволить себе быть атеистом, агностиком и еще кем угодно. Как говорят священники, чтобы сообщить человеку Благую Весть, сначала его нужно огорчить, убедив в том, что он погибает.

Совсем по-другому чувствует себя человек, который задыхается от грехов (как своих, так и избытка грехов в его среде). Его не нужно убеждать в опасности положения, она для него очевидна. И весть о спасении для него — действительно Благая. Бездомные (а также алкоголики, наркоманы и т.п.) и являются такими «декомпенсированными грешниками», которые уже не могут себе позволить грешить «в меру», как это происходит в «большом» обществе. Их выбор — стать святыми именно в смысле устремленности их воли к Богу, или погибнуть физически и духовно. Таким образом вернуть человека в социум получится не раньше, чем

вернуть его Богу. Но вернуться к Богу бездомному зачастую мешает его «субсоциум». Человеку, имеющему дом, семью, место в обществе, обратиться к Богу зачастую тоже мешает привычный круг общения. Однако мы можем произвольно этот круг разорвать, заключившись дома, как в келье. Бездомному это сделать гораздо труднее, и он оказывается растворенным и обезличенным в субсоциуме улицы.

Поэтому прежде чем вернуть человека Богу, его нужно вернуть самому себе, оторвав от патологической социальной среды.

Этот принцип индивидуального подхода отражен в притчах о потерянной драхме и заблудшей овце (см.: Мф. 18, 12–13; Лк. 15, 4–10). У многих вызывает недоумение, что пастух одну овцу ценит больше, чем девяносто девять, ведь одна овца не больше отары и одна драхма не дороже десяти. Однако с людьми — другая арифметика. Одна человеческая душа больше социума. И уж точно, человеческая личность бездомного дороже «субсоциума». Поэтому в качестве первого шага к реабилитации наиболее целесообразным представляется изоляция подопечного от патологической среды. Попытки «массовой» реабилитации не могут быть эффективными, так как человек не изымается из «бомжового» сообщества. Мы можем сколько угодно умиляться дружбе и нежной любви между бездомными, нашедшими друг

друга здесь, на улице. Способность к этим чувствам, конечно, свидетельствует о нравственной сохранности их личностей. Однако если подопечный не готов расстаться с «друзьями» или «подругой», лучше не приставать к нему с предложениями о помощи в ресоциализации, а на *его* просьбы об этом лучше мягко, в приемлемой форме отказать.

«В себя же пришед, рече...» (Лк. 15, 17)

Итак, попытки работать не с личностью, а с несколькими людьми — друзьями, «семьей» и прочими «ячейками бездомного сообщества» — терпят неудачу, а иногда кончаются трагически. Таков опыт мой и моих коллег. Не исключаю, что где-то имеется другой, но мне он не известен, хотя работой с бездомными я занимаюсь с 2001 года.

Значит, для плодотворной работы важно изъять человека из уличной среды и оставить его наедине с собой. Часто эту задачу выполняет внезапная болезнь, когда человек оказывается в больнице и трезвый. Иногда этот эффект достигается помещением человека в наркологическую больницу. Этот период может продолжиться в центре социальной адаптации или реабилитационном центре для зависимых. Люди до этого момента находились под воздействием алкоголя и специфической среды в со-

стоянии *анозогнозии* — отрицания болезни, нечувствия к бедственной ситуации (соответствует III–IV стадии десоциализации, см. с. 32). Но с момента попадания в более-менее человеческие условия человеку становится очевидным его падение. Это пробуждает жажду Правды Божией. Очень важно в этот момент эту жажду утолить, пока интерес не притупился и все не вернулось на круги своя.

И здесь перед нами стоит сложнейшая задача, потому что в этот момент мы должны стать по совместительству миссионерами. Трудность такого совмещения миссии и социального служения в том, что перед нами находится человек в трудной ситуации и наша помощь ему ставит его в зависимое от нас положение, что не способствует правильной мотивации обращения к вере. Но если человек без нашей инициации проявляет неподдельный интерес к духовным темам, этот интерес следует поддержать. Каким образом? Купить ему Евангелие, доступную для его понимания духовную литературу, познакомиться со священником, готовым совершить Таинство Покаяния. Эта работа может растянуться на достаточно долгий срок, и ускорить мы ничего не сможем. Но если подопечному удастся вписаться в церковную общину, наше дело можно считать завершенным. Примирение социально исключенного человека с обществом — уже дело самой общины. Очень важно

усвоить два момента. Первое: наша роль — роль временного спутника, а не вождя. Не стоит лично тащить через всю жизнь подопечного на своем хребте, а нужно просто довести человека до Церкви, до общины.

И второе: если подопечный начал воцерковляться, не торопиться фиксировать это как наш успех, это только начало. А дальше — не хелпи-энд, а нелегкая жизнь человека внутри общины.

Что не работает

Хотелось бы сказать еще несколько слов о распространенном заблуждении, что человека можно реабилитировать тяжелым физическим трудом. Это мнение, несомненно, рудимент советской идеологии, исходящей из постулата «труд создал человека». Конечно, иногда в радость бывает поработать лопатой или тяпкой в огороде, помахать косой, поколоть дрова; это может быть своего рода спортом для человека, основной род занятий которого — интеллектуальная деятельность. Однако тяжелая монотонная работа изо дня в день несколько не способствует пробуждению духовности, нравственного или хотя бы социального самосознания у того, кто утратил навыки жизни в обществе. Несомненно, праздность разлагает, но еще более разлагает и озлобляет

позиция: «чем бы бродяга ни занимался, лишь бы к вечеру устал». Если мы хотим предложить человеку работу, нужно заинтересовать его в результате, в качестве работы, сделать работу творческой — в широком смысле. При этом она может быть и тяжелой — например, земляные работы, перенос мебели. Но требования к качеству работы должны стимулировать человека к усердию и ответственности. Если ты, например, копаешь могилы, копай их ровными; если носишь мебель или бытовую технику — носи ее так, чтобы не стукнуть, не повредить; если чистишь крыльцо от наледи — смотри не расколи мраморные ступеньки ломом. Если от качества работы будет зависеть вознаграждение, человек будет стараться блюсти свою форму: приходите на работу не пьяным и не с похмелья, правильно выстраивать свои отношения с коллективом. Это уже может стать каким-то толчком к возрождению.

Классики — о тайнах ресоциализации

Для того, чтобы свершилось возрождение, всегда будет мало самых правильных технологий и методик. Всегда будет еще одно условие, которое невозможно обеспечить по заказу и по инструкции: нужно, чтобы те люди, которые пытаются падшему человеку помочь, его еще и полюбили, пожалели. У нас, профессиона-

лов, это не всегда получается. Мы вынуждены держаться на определенной дистанции с нашими подопечными. Но если в жизни нашего адресата появляется такой человек, мы не имеем права такой случай упустить. Выше я писал, что не рекомендую заниматься самодеятельностью, и приводил два печальных примера, когда одну отзывчивую христианку убил подопечный, а другая морально надорвалась, пытаясь помочь купить бездомному билет на поезд. Но если таких людей, проявляющих личное сострадание к ближнему, поддерживать советом и участием, положительный результат практически гарантирован.

О том, как это работает, есть бессмертный рассказ А.П. Чехова «Нищий». Некий присяжный поверенный Скворцов вознамерился исправить бродягу с помощью уже упомянутой «трудотерапии». Эксперимент удался — но каким образом?

« — Лушков, это вы? — спросил Скворцов, узнав в человечке своего давнишнего дровокола. — Ну как? Что подельваете? Хорошо живется?»

— Ничего... Служу теперь у нотариуса, получаю 35 рублей-с.

— Ну, и слава Богу. И отлично! Радуюсь за вас. Очень, очень рад, Лушков! Ведь вы некоторым образом мой крестник. Ведь это я вас на

настоящую дорогу толкнул. Помните, как я вас распекал, а? Чуть вы у меня тогда сквозь землю не провалились. Ну, спасибо, голубчик, что моих слов не забывали.

— Спасибо и вам, — сказал Лушков. — Не приходи я к вам тогда, пожалуй, до сих пор назывался бы учителем или студентом. Да, у вас спасся, выскочил из ямы.

— Очень, очень рад.

— Спасибо за ваши добрые слова и за дела. Вы отлично тогда говорили. Я благодарен и вам, и вашей кухарке, дай Бог здоровья этой доброй, благородной женщине. Вы отлично говорили тогда, я вам обязан, конечно, по гроб жизни, но спасла-то меня, собственно, ваша кухарка Ольга.

— Каким это образом?

— А таким образом. Бывало, придешь к вам дрова колоть, она и начнет: “Ах ты, пьяница! Окаянный ты человек! И нет на тебя погубели!” А потом сядет против, пригорюнится, глядит мне в лицо и плачется: “Несчастный ты человек! Нет тебе радости на этом свете, да и на том свете, пьяница, в аду гореть будешь! Горемычный ты!” И все в таком роде, знаете. Сколько она себе крови испортила и слез пролила ради меня, я вам и сказать не могу. Но главное — вместо меня дрова колола! Ведь я, сударь, у вас ни одного полена не расколол, а все она! Почему она меня спасла, почему

я изменился, глядя на нее, и пить перестал, не могу вам объяснить. Знаю только, что от ее слов и благородных поступков в душе моей произошла перемена, она меня исправила, и никогда я этого не забуду».

Рассказ великого русского классика — не выдумка. Мы неоднократно сталкивались с похожими ситуациями: создаешь человеку все условия для возврата к нормальной жизни, а он — ни с места. И только чье-то любящее сердце, вопреки всякой логике и попирая всякий трезвый расчет, ломает ход событий и делает счастливым финал страшной повести. Я знаю эти случаи не понаслышке и не рассказываю о них только потому, что не рискую приводить в пример здравствующих людей. Никакое состояние не окончательно, пока человек жив, ничто не мешает этим людям вернуться в прежнее и горшее состояние и вовсе погибнуть. «О них не судят с Богом заедино; Тот может встать, а этот может пасть... никто не числи жита, Покуда колос в поле не поник» (Данте, «Божественная комедия», Песнь тринадцатая).

Пространное послесловие, или Еще раз о том, «кто виноват» и «что делать»

Рассуждая о причинах бездомности, мы обычно разделяем эти причины на внешние и внутренние, объективные и субъективные, факторы макро- и микроуровня. В зависимости от того, какому подходу мы отдаем предпочтение, мы решаем вопрос: «кто виноват?» в проблеме бездомности — государство или личность, экономика, политика или культурный и нравственный уровень человека. Но копаясь, взвешивая, делая выводы, мы часто за деревьями не видим леса. И не увидим, пока не воспримем проблему как некое послание от Господа. Судьба проблемы зависит от того, насколько мы правильно мы усвоили урок.

Дом как жизнь. Крушение дома

Начинать надо, я думаю, с понятия «Дом». А к нему легче прийти через понятие «домо-

строительство». В богословии эти понятия суть символы: «домостроительство» или, например, словосочетание «Дом Израилев» не имеют, конечно, прямого отношения к архитектуре или капитальному строительству. Но символ — не значит иносказание, аллегория. Просто библейский термин «дом» шире архитектурного. В библейском контексте «дом» означает всю человеческую жизнь, ее полноту, а «домостроительство» — устройство этой полноты как для отдельного человека, так и для целого народа или человечества в целом.

Вернемся к понятиям «бездомность», «бездомный». Они не теоретические, не богословские, и связаны с отсутствием у человека конкретного жилья, дома в узком смысле слова. Однако если вдуматься, состояние бездомности не исчерпывается отсутствием жилья в собственности или даже аренде. Столь состоятельных людей, которые могут купить или построить дом на свои средства, — меньшинство, не все могут и снимать жилье по коммерческим ценам, но ведь живут же как-то люди и не являются бездомными в традиционном понимании. А бездомными в традиционном смысле оказываются как раз те, кто потерпел экзистенциальную катастрофу, крушение всей жизни, а не только потерял жилое помещение. И вот здесь-то смыкаются понятия дома как жилища и дома как полноты человеческого бытия.

Жизненная катастрофа, похожая на крушение здания, описана в Священном Писании: «...всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7, 24–27).

Есть и еще одно описание крушения «дома» — через образ огня: «Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня» (1 Кор. 3, 10–15).

Итак, в этих двух отрывках нам даны образы двух незадачливых строителей: один построил дом из негодного материала, не предусмотрев противопожарной безопасности, а другой — все правильно сделал, да вот беда, фундамент не заложил. Что страшнее? Обе ситуации неприятны, но из горящего дома, как видим из отрывков, спастись реальнее, чем выбраться из-под обломков. Это похоже на правду, потому что падение здания бывает быстрее и внезапнее, чем повреждение в результате пожара, и при последнем проще восстановить дом при сохранности фундамента.

Как перевести это с образного, богословского языка на общедоступный, понятный?

Как дома строятся по определенным правилам, так же и нашу жизнь мы строим по неким законам, заботясь о соблюдении неких общепринятых норм (исключениями являются только самые закоренелые негодяи, но они здесь нас не интересуют). Всем нам известно детское стихотворение Владимира Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?», в котором изложены азы хорошего воспитания. Но вот незадача: в нем ничего не сказано о том, **почему** мы должны поступать так или иначе, воздерживаться от того или другого? А ведь в этом «почему» — ключ к тем самым азам, правилам, нормам!

Христианство без Христа

Если на вопрос «почему нужно делать хорошо и не нужно плохо» пытаться отвечать с точки зрения обычной человеческой логики, сразу оказываешься в тупике:

— Почему надо уступать места в транспорте престарелым и инвалидам?

— Вот состаришься сам — поймешь! *(А кто сказал, что я доживу до старости? А вдруг поколение моих внуков не согласится с этим доводом?)*

— А почему я должен чтить родителей?

— Они тебя родили и воспитали! *(А я их просил об этом? Родить — дело нехитрое. И воспитание они мне дали совершенно не то!)* У тебя тоже будут дети, и тебе захочется, чтобы они были благодарными и почтительными. *(Ну да! Уж как наша соседка — тетя Маня о своих стариках заботилась! А что же дети? Выросли: сын — наркоман, дочка — шестой раз замужем, мать родную в дом престарелых сдала, спасибо — хоть не на улицу!)*

— Почему надо прилежно учиться?

— Чтобы иметь шанс на достойную работу! Ученье — свет, а неученье — чуть свет — и на работу! Будешь в школе плохо учиться — в институт не поступишь! В институт не поступишь — в армию заберут, а год в армии — это страница, вырванная из книги жизни на самом интересном месте. Конечно, армия — тоже хорошая школа,

но лучше ее пройти заочно! *(Суетность последнего довода лично я познал в 1984 году, когда были отменены все отсрочки. А несостоятельность первого аргумента явилась с отменой обязательного распределения, когда окончание института перестало быть гарантией трудоустройства по специальности).*

И так далее...

Да не прогневаются читатели за приведенные мной в скобках антитезисы. Они совершенно не означают моего несогласия с приведенными нравственными тезисами, они призваны всего лишь наглядно продемонстрировать беспомощность аргументов так называемой «автономной», т.е. внерелигиозной этики, которая пытается подвести рациональное обоснование под этические нормы христианства, обойдясь без Христа. Но как можно, например не противиться злу, если не верить, что «Господь защититель живота моего» (Пс. 26, 1)? Или как отдать сорочку вместе с ризой, если не верить, что «Господь покров твой на руку desnую твою» (Пс. 120, 5)? Навязать человеку христианскую нравственность и не дать ему веры во Христа — это изощренное медленное убийство. И именно таким образом погублено множество наших сограждан, не самых худших в нравственном отношении.

Среди нынешних бездомных преобладают люди, родившиеся и воспитанные при со-

ветском строе (примерно 85–87 %). И хотя государственной идеологией в то время был атеизм, большинство из них считают себя христианами, в т.ч. православными (около 80 % опрошенных). Как показал анализ данных, почти 99 % из них — лишь номинальные христиане, хотя даже формальная принадлежность к христианскому вероисповеданию влияет на нравственный уровень респондентов. Среди номинальных «православных» и «христиан» средняя оценка нравственного самосознания почти в два раза выше, чем у прочих, они придерживаются традиционно христианских этических ценностей: признают святость брака, любят детей, готовы простить своих врагов, считают воровство грехом, придерживаются смиренной самооценки — считают себя недостойными своих родных, раскаиваются в том, что не слушались советов близких и т.д.

Тем не менее, на вопрос «в чем выражается ваша вера?», мало кто заявил себя практикующим христианином. Только 1,3 % написали: «регулярно исповедуюсь и причащаюсь». 26 % верят «в душе», 15,3 % убеждались на опыте в существовании Бога. 15,3 % молятся, 12,6 % прибегают к наставлению священника.

Если это и не мертвое христианство без Христа, то, во всяком случае, маловерие, обычная религиозная теплохладность.

Зеркало «благополучного» общества

Услышав мнение, что бездомные страдают из-за своего маловерия и нецерковности, можно подумать: эка невидаль! Да так живут большинство наших сограждан: в Церковь приходят на Пасху — кулич освятить, младенца крестить и покойника отпеть. Чем приведенные примеры религиозной теплохладности бездомных отличаются от такой же теплохладности остальных наших сограждан? В том-то и беда, что почти ничем! Эти бездомные люди — плоть от плоти и кость от кости нашей. Мы тоже теплохладны, вот и имеем бездомных около четырех миллионов человек — целый мегаполис! Отсутствие дома у такого огромного количества людей в нашей стране говорит о крушении нашего общего дома, построенного на зыбучих песках «автономной» этики, неспособной обеспечить ни справедливого законодательства, ни добросовестного исполнения существующих законов, ни построения сколь-нибудь прочных доверительных межличностных отношений.

Можно быть уверенным, что дом, который рухнул, стоял на ненадежном фундаменте. Однако упрекать в этом самого хозяина дома преждевременно — он еще под завалами. Надо разобрать завалы, спасти человека, а затем озаботиться новым фундаментом и новым домом — в широком смысле. А главное — посмотреть, все ли в порядке с нашим собственным

фундаментом? Вспомним Евангельские строки: «...думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 13, 2–5).

Я уже высказывал мысль, что бездомными были и некоторые святые. Например, Христа ради юродивые. При всей внешней возмутительности сравнения, есть и еще некоторое сходство юродивых и бездомных. Юродивые часто позволяли себе «похабство», обличая этим «безумием мнимым — безумие мира», как поется в тропаре блаженной Ксении. Например, два новгородских юродивых — блж. Феодор и блж. Николай — как-то безобразно подрались на мосту, разделявшем Софийскую часть города от Торговой, обличая безумство междоусобий горожан, ходивших «стенка на стенку».

Конечно, «бомжи» радикально отличаются от юродивых своим неверием или маловерием, своим — без духовной подоплеки — настоящему похабным поведением. Тем не менее, и это их поведение — обличение нам, уважаемым гражданам. Сообщество бездомных — это гротеск, пародия на наш падший мир сей, выставленные на наше обозрение «из-

держки» общественного бытия. Нам неприятно смотреть на это, мы сердимся. И это не ново. Лет 100 назад один высокопоставленный российский чиновник, выглянув в окно своего кабинета, увидел толпу бездомных на площади перед мэрией города. С возмущением он вызвал начальника соответствующего департамента и потребовал объяснений. Тот пояснил, что рядом с мэрией — храм, где работает благотворительная столовая. Наш государственный муж позвонил правящему епископу: «Владыка! Поговорите с настоятелем храма, неужели больше негде кормить этот сброд?» «Ваше Превосходительство! — ответил епископ. — Мы хотим не просто их накормить. Наша задача — чтобы вы их увидели».

А вот свежий пример. Недавно житель одного подъезда облил горячей жидкостью и поджег бездомного, ночевавшего в подъезде, якобы за то, что тот гадил на лестничной клетке. Поджигатель был пойман, его ждет суд и срок. Мы с вами никого не поджигали. Не поджигали, но, возможно, «дрова» (презрение, ненависть к бездомным и т.п.) подкладывали в своей sancta simplicitas³².

Вот приходит бродяга в храм. Размахисто крестится на батюшку, лезет за пазуху, показать натальный крест, всем видом кричит: «я свой!»

³² Sancta simplicitas — лат. «святая простота».

Но мы-то понимаем: врет! Не верит он ни во что, пришел денег на водку просить! Знает, что батюшка добрый, прихожане — сердобольные, в церкви ему грубого слова не скажут, вот и тянется, как мотылек к огоньку. Почему мы это так хорошо понимаем? Да потому что мы такие же! В смысле — такие же потребители. Мы понимаем, конечно, что священник — это не добродушный мешок с деньгами, мы верим в благодать, содействующую священству в его служении, верим в Бога, который нам помог в трудные минуты или приоткрывался нам в радостные моменты. Но мы привыкли потреблять, а не отдавать. Нашей душе в храме было так комфортно, пока не пришел этот оборванец. Если бы мы пришли к Господу за тем, за чем Он нас призвал: *«аще кто хочет идти по Мне, да отвержется себе, возьмет крест свой и по Мне да грядет»* (Мф. 16, 24), а не только потому, что *«добро есть нам zde быти»* (Мф. 17, 4), мы бы не пеняли на зеркало. И отношение к посетителю было бы другим. Мы бы постарались увидеть его подлинную проблему.

Когда в московских храмах открывались благотворительные столовые, через определенное время начинались протесты со стороны жителей окрестных домов: *«уберите от нас бомжей, у нас здесь дети гуляют!»* Мне в таких случаях всегда хочется ответить: *«Дорогие сограждане! А вы хотите, чтобы ваши дети не болтались не-*

известно где, не наркоманили, не нюхали клей, не пили пиво из горлышка с малых лет? Почаще показывайте им бездомных: *“Вот, сынок, маму слушать не будешь, будешь плохо учиться — посмотри на этого дядю, как ему плохо! Да дай ему копеечку или пойдя, купи булочку!”*» Один из моих сотрудников, страдающий алкоголизмом, признался: *«Отец Олег, моя работа с бездомными меня удерживает от пьянки: я, глядя на бездомных, вижу реальность моей перспективы оказаться в их числе».*

Однажды, работая еще рядовым сотрудником Автобуса «Милосердия», я получил серьезный урок на всю жизнь. Вели мы зимой прием подопечных в районе Курского вокзала. Не знаю уж, что произошло, но «клиенты» вели себя особенно безобразно: хамили, матерились, чуть ли не дрались. Мы сделали пару раз внушение — как об стенку горох! Тогда мы приняли решение прекратить прием. Бродяги взмолились, но мы были непреклонны: *«В другой раз подумаете, как себя вести!»* — и дали команду водителю на старт. Тут один из подопечных, вечно чумазый и пьяный Паша Х., в сердцах нам пожелал: *«Да чтоб вы сломались!»* И мы сломались. Автобус не завелся из-за подчистую разряженного аккумулятора. Пришлось нам бить челом все тем же подопечным, чтобы завели наш автобус «с толкача». Те оказались удивительно незлобными. В тот момент я понял, Кто стоит за наши-

ми бомжами. По крайней мере, в том конфликте Господь был не на нашей стороне.

Я надеюсь, что мое послесловие не покажется слишком суровым или занудным. Просто мне хотелось, чтобы читателям было очевидно, сколь тесно связано практическое с духовным. Не понимая этого, трудно помогать бездомным. Но тот, кто поймет и захочет высшего ученичества, найдет на этом пути Господа, который всегда там, где страждущие.

В прочитанной вами книге я пытался сделать акцент не на конкретных формах помощи, которые могут со временем меняться, и даже весьма стремительно, а на проблемах, представляющих устойчивые, с моей точки зрения, закономерности. Мои предложения по решению этих проблем могут быть и дополнены, и оспорены моими коллегами. Если мои выводы будут аргументированно опровергнуты как заблуждения, я буду благодарен оппонентам, и свою заслугу буду видеть в том, что в свое время поднял эти проблемы.

Ваши отзывы и вопросы можно присылать по адресу: vysha@yandex.ru.

Научиться социальной работе легко!

diaconia.ru/webinars/

Синодальный отдел по церковной благотворительности организует бесплатное дистанционное обучение через интернет. Основные направления обучения:

- Защита семьи, материнства и детства
- Помощь инвалидам и их семьям
- Организация добровольческой деятельности
- Помощь бездомным
- Реабилитация алкоголезависимых и утверждение трезвости
- Реабилитация наркозависимых
- Помощь неполным, многодетным и малообеспеченным семьям
- Работа с просителями (работа со случаем)
- Патронажная и сестринская помощь
- Помощь Церкви ВИЧ-инфицированным
- Помощь Церкви в чрезвычайных ситуациях
- Сбор средств на благотворительные нужды; организация благотворительных акций

В рамках интернет-обучения также есть возможность получить консультации по юридическим вопросам и оформлению грантовых заявок.

**Справки по телефону: (495) 911-17-66
и по адресу: miloserdie.webinar@gmail.com**

Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению
Русской Православной Церкви

Региональная общественная организация
поддержки социальной деятельности Русской Православной Церкви
«Милосердие»

Диакон Олег Вышинский

Духовные, психологические и практические особенности
помощи бездомным

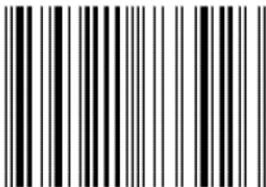
Серия «Азбука милосердия»:
методические и справочные пособия

Выпускающий редактор **Д. Краева**
Редактор серии **И. Карпова**
Оформление **Е. Галина**
Компьютерная верстка **О. Букреева**
Корректор **А. Юрсова**

Подписано в печать 18.12.2013
Формат 84x108/32. Печать офсетная
Бумага офсетная. Гарнитура «Officina Serif C»
Объем 5 п.л. Тираж 3 000 экз.
Заказ

000 «Издательство «Лепта Книга»
125368, г. Москва, ул. Барышиха, д. 19

ISBN 978-5-91173-392-6

9 785911 733926 >